

ТАТЬЯНА ШИПОШИНА

ПОДЗЕМНЫЙ
ГОЛЛАНДЕЦ

СТРАННИКИ
И ПРИШЕЛЬЦЫ

Татьяна Владимировна Шипошина

Подземный Голландец.

Странники и пришельцы (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38611668

Подземный Голландец. Странники и пришельцы:

ISBN 978-5-906097-47-7

Аннотация

Повесть «Подземный голландец» стала обладателем специального приза конкурса «Однажды в Москве», проводимого издательством «Кетлеров» и МТОДА (Международным творческим объединением детских авторов) в 2017 году.

Эту книгу можно было бы назвать «поэмой московских окраин».

Правда нашей жизни – главное в этой книге. Вот в воскресенье утром, движется от окраины к центру вагон метро – обычное дело.

Но обстоятельства вдруг складываются так, что чужие друг другу люди вынуждены познакомиться. И сразу понятно, кто есть кто. Ведь при наступлении опасности уже не важно, какое положение человек занимал до этого. Здесь проявляется человеческая суть.

Читатель вместе с автором шаг за шагом идёт по этому пути.

А вот обычная московская многоэтажка на окраине, в повести «Странники и пришельцы». Первый этаж, и шесть дверей, выходящих на одну лестничную площадку.

За каждой дверью – своя, скрытая от посторонних глаз жизнь.

Мы стали такими обособленными, такими занятыми, что иногда, годами живя рядом, не знаем даже имени соседа.

Жители этой лестничной площадки волею судьбы вынуждены узнать друг друга.

Мы ещё способны к общению. Мы ещё можем сочувствовать друг другу, и даже помогать.

Автор поднимает сложные социальные, семейные и общественные вопросы, затрагивает проблемы мировоззрения, толерантности, гражданской совести.

Татьяна Шипошина – известный писатель, автор более сорока книг для взрослых и детей, многие из которых переизданы. Лауреат многих литературных конкурсов, в том числе «Новая детская книга» РОСМЭН, конкурса им. С.Михалкова. Обладатель знака «Золотое перо Руси» и знака Союза писателей России «Орден В.Маяковского»

Издано при поддержке Московской региональной общественной организации «Москва и москвичи».

Содержание

Подземный Голландец	7
1	7
2	9
3	11
4	14
5	17
6	20
7	23
8	24
9	27
10	29
11	30
12	34
13	36
14	37
15	40
16	43
17	45
18	50
19	54
20	58
21	61
22	63

23	65
24	70
25	72
26	74
27	79
28	81
29	83
30	88
31	90
32	96
33	98
34	103
35	108
36	113
37	117
38	120
39	126
40	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Татьяна Шипошина

Подземный Голландец

Странники и пришельцы

© Шипошина Т., текст, 2018

© Шипошина М., иллюстрация на обложке, 2018

© Издательство Кетлеров, 2018

* * *

Подземный Голландец

Просьба освободить вагоны...

1

Не совсем лирическое отступление № 1 (вступление)

Случалось ли вам ездить в московском метро ранним утром или поздно вечером? Так, почти ночью, перед самым закрытием?

Если случалось, то вы должны знать... должны помнить это ощущение. Оно бывает, конечно, не всегда, но очень часто.

Такое ощущение, что все, кто собран в этом вагоне как бы случайно в этот поздний или в этот ранний час, связаны чем-то между собой. Каким-то родством, что ли.

Каким-то высшим родством...

Видишь ли Ты нас, Господи, со своей немыслимой высотой? Зачем Ты собрал нас здесь, в этом вагоне? Нас, незнакомых, неведомых друг другу людей?

Может быть, Ты хотел бы, чтоб мы познакомились? Мо-

жет быть, тут, на соседней лавке, Ты посадил для каждого из нас самого нужного, самого необходимого в жизни человека? А может, Ты просто хочешь помочь нам разобраться в самих себе?

А может быть, Ты Сам... Ты Сам тут, с нами... Невидимо...

Сейчас, сейчас... я протяну руку и коснусь Тебя.

Какой нежностью наполняется душа!

Собратья мои! Собратья мои по вагону! По метрополитену! По городу! По стране, по самым далёким её уголкам! Собратья мои по всему огромному миру! От Антарктиды до Гренландии... Как же я люблю вас! Мы здесь все вместе, в этом вагоне...

Эх, как меня развернуло!

«Осторожно, двери закрываются!»

Поехали!

Итак, ранним воскресным утром поезд метро продолжал свой отмеренный Богом (и расписанием) путь.

Обычный поезд и обычный вагон. Последний вагон раннего воскресного поезда.

Народу в вагоне немного. На каждой лавке оставались незанятые места.

В углу, на самой короткой, трёхместной скамейке, сидел бомж. Он ехал от места своего ночлега до Кольцевой. На Кольцевой спать спокойнее, чем на радиальной. Едешь по кругу да спишь!

Спать на улице или в неотапливаемом подвале становилось всё холоднее и холоднее. Осень всё-таки.

У бомжа ещё не совсем опустившийся вид, и бомж не сильно пьян. Можно даже сказать, что он трезв. Всё, что он выпил за ночь, для сугреву, давно уже выветрилось. Вернее, ушло по назначению. Согрело бомжа, как могло.

Но запах чувствовался. Поэтому места на лавках, рядом с бомжом, а также напротив него оставались пустыми.

На длинной скамейке, с краю, сидел молодой парень в синей шапочке с козырьком. Можно было подумать, что он спит: глаза его оставались закрытыми.

Но он периодически мелко вздрагивал, иногда почёсывался. То закидывал голову, то низко сгибался. Вертелся, кру-

тился...

Мужик напротив то поглядывал на него, то и сам закрывал глаза. У мужика лицо... как бы это сказать, чтобы не сильно обидеть... лицо человека, который лет тридцать пил не переставая, а потом завязал. Причём завязал сам, именно так, завязав в неразвязываемый узел свою собственную железную волю.

Тридцать прошлых лет просвечивали сквозь благообразную трезвость этого лица, и ничего нельзя было с этим поделать.

На коленях у мужика располагался квадратный портфель, весьма объёмистый.

Рядом с мужиком сидела женщина средних лет, в длинной юбке и в платке, повязанном назад. Она как вошла, так сразу вытащила небольшую книжку, обёрнутую в белую бумагу, и принялась читать. Иногда губы её шевелились, а иногда она отрывалась от книги, прикрывала глаза и словно повторяла что-то про себя. Потом смотрела вокруг – взглядом, почти невидящим, – и снова погружалась в свою книжку.

Через два свободных места от неё, на другом конце лавки, сидели два гражданина кавказской национальности.

Они лениво переговаривались на своём языке. Младший из них баловался с мобильным телефоном, и тот жалобно попискивал в его руках. Старший же сидел развалясь и вытянув в проход ноги в дорогих ботинках.

Женщина в платке

Я не стала ждать лифта и спустилась по лестнице со своего четвёртого этажа.

Так беспокойно всё колыхнется внутри, что хочется нагрузить ноги. Надо хоть немного потопать, постучать по ступенькам, пройти по грязным лестничным пролётам и выглянуть на улицу сквозь мутные стёкла лестничных площадок.

Нет, не помогло. Я нажала кнопку и под пиканье домофона толкнула тяжёлую дверь подъезда.

Я вывалилась на улицу. Странная мысль промелькнула в моей голове. Мысль о том, что мы живём, то есть вообще мы живём свою жизнь под это самое пиканье.

Пикает домофон, пикает лифт, пикает микроволновка. Даже холодильник, и тот пикает: «Закрой меня!»

Всё, всё вокруг пикает! Всё предостерегает, все предупреждает или заграждает. И даже непечатную речь, как это говорят... «запикивают».

Хорошее слово!

Вот и этот, сосед. Телефоном своим пикает! Азербайджанец, что ли? Небось на свой рынок едет. Торговать!

И правда, на этих рынках – только они. Если стоит продавщица славянской внешности, то сзади обязательно – они.

Как тут быть? Что делать, что думать?

Какая только ерунда не лезет в голову! Искушение! Легче думать о том, как всё вокруг плачет, чем просто сосредоточиться на молитве.

Или думать о том, сколько вокруг этих... как их называли-то раньше? Иноверцев? Инородцев? Вот-вот! И иноверцев, и инородцев. А наши-то где? Не там ли, где этот... божик на лавке? Ну кто он такой? Откуда он взялся? Ведь не старый ещё! Как он мог так опуститься? Ведь был он ребёнком, и мать у него была... Может, и жена была, и дети... Ну почему? Почему такое происходит с нами, Господи?

Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, грешную.

Успею ли акафист дочитать?

Успею. А на душе-то как... тяжело. Просит душа исповеди. Больше трёх месяцев, как я не исповедовалась. И не причащалась. Никак не могла собраться. То одно, то другое. А поститься как трудно! Так и подмывает съесть что-нибудь вкусненькое. А в пятницу – обязательно какой-нибудь праздник. День рождения у кого-то, особенно на работе, или просто соседка придёт и принесёт кусок торта.

А когда звать гостей, как не в пятницу? Все работают, всем отдохнуть хочется в выходные. И муж...

Как это у меня получилось пропоститься целую неделю – сама удивляюсь. Да нет, не удивляюсь. Просто тяжело на душе. Так тяжело, так много накопилось на душе грязи, что

пришлось её выдержать, эту неделю поста.

Слава Богу, хоть села в метро. Даже дома не читается так хорошо, как здесь. Всё, больше ни о чём не думаю! Всё! Читаю!

«Взбранной Воеводе победительная...»

Нет, не могу! Ну есть вообще стыд у людей или нет? Ещё чуть-чуть, и они начнут раздеваться прямо здесь, в метро!

Господи, помилуй!

Поезд двигался не очень быстро и довольно долго стоял на остановках. В противоположном углу вагона, на такой же лавочке, как бомж, сидели двое. Парочка. Они целовались.

Место рядом с ними и скамейка напротив, как и в случае с бомжом, оставались пустыми. Возможно, люди не сели туда потому, что им не хотелось смущать целующуюся парочку. А может, потому, что им просто не хотелось или было стыдно на всё это смотреть. Потому что парочка целовалась довольно откровенно. Можно даже сказать, что эти двое целовались просто бесстыдно.

По крайней мере, люди поглядывали в ту сторону. Глянут – и отвернутся. А азербайджанцы скажут друг другу пару слов на своём языке и посмеются... И все молчат, замечаний парочке не делают.

Может, потому, что утро... или потому, что места свободные в вагоне есть. Вот если бы пришлось сидеть напротив, одёрнули бы их, конечно.

На длинной скамейке, рядом с целующейся парочкой, сидели трое. Молодой мужчина, молодая женщина и пожилая, скажем так, тётка. Возле них стояли две сумки и несколько пакетов.

Пожилая всё старалась что-то сказать молодой, перекрикивая шум движущегося вагона. Мужчина же сидел с видом

отрешённым, недовольным и невыспавшимся. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что пожилая тётка приходится молодому мужчине тёщей.

Слава Богу, что уезжала, по-видимому, именно тёща. Потому что мужчина напоминал тучу, готовую вот-вот разразиться крупным градом.

Напротив тёщи и зятя, на лавке, с краю, располагался мужчина средних лет, ничем не примечательный, разве что своей небритостью. Какая-то тотальная небритость и помятость читались во всём его нехитром облике. Впрочем, чего не случается утром в воскресенье...

Ещё один мужчина сидел на этой же лавке. Эдакий лысоватый денди. Тонкий запах дорого одеколона был едва уловим, но его можно было ощутить. Кто понимает, конечно.

Даже удивительно видеть столь ухоженного и дорого одетого мужчину на лавке в метро, да ещё и в воскресенье, да ещё и утром.

Но чего в жизни не бывает!

Рядом с тёткой, её дочерью и зятем сидела пара. Видимо, муж с женой. Или нет?

Не очень молодые, усталые. Она положила голову ему на плечо, а руки их переплетены...

Он высок ростом, черноволос и довольно худ. Она значительно ниже его и заметно, по-женски, полновата.

И лицо! Такое миловидное «белобрысое» русское лицо...

Она казалась бы симпатичной, если бы не настороженное

и какое-то просительное выражение лица.

Глаза её спутника были закрыты, а она смотрела на своё отражение, в чёрном стекле противоположного окна. Сумочка её лежала рядом на сиденье. Небольшая кожаная сумочка, очень изящная. И по тому, как свободно лежала эта сумочка, и по тому, как сидела и смотрела на своё отражение эта женщина, можно было бы предположить... подумать... А впрочем, зачем нам о них думать?

Сейчас, через пару остановок, выйдут сначала одни, потом другие. Эта пара тоже выйдет, как и все. И новые пассажиры войдут в метро и так далее и тому подобное. И у каждого – своя жизнь. Не правда ли?

5

Не совсем лирическое отступление № 2

А зачем нам вообще друг о друге думать?

И вообще, как мы друг о друге думаем?

Вы никогда не задумывались о том, как мы это делаем?

Ведь чаще всего мы думаем о других только в таком разрезе, в каком это касается нас самих:

«Вот, Ванька, такой гад, испортил мне настроение!»

«Вот начальник, мало того, что тупой, да ещё ко мне придирается!» «Вот, Манька, устроила истерику, а теперь у меня голова болит!»

Нет, согласитесь, что это именно так! Подумать о другом человеке, не имея в виду себя – это уже высший пилотаж. Это не всякому доступно. Особенно подумать о другом хорошо или хотя бы объективно.

Ну, например, подумать так: «Какой добрый, бескорыстный человек!»

И не подумать вслед за этим: «Да, мне бы столько денег, как у него, и я был бы бескорыстным!» (Что, конечно, не факт. Бескорыстие не зависит напрямую от количества денег. Но приятно так рассуждать, согласитесь!)

Да, чаще всего мы думаем о людях именно так: относи-

тельно себя. А ещё чаще мы не думаем о людях вообще.

Даже о близких. Вот так, например:

«Ты обо мне подумал? – кричит взрослому сыну мать, когда он является домой ранним утром. – Я уже морги обзванивать начала!»

«Ма, да в чём дело?» – отвечает сын.

У него голова болит с похмелья, и вообще... Пристали к человеку, на пустом месте!

«Отстань, ма», – говорит отпрыск и идёт в ванную.

Эх, ма!

Или так: «Ты о семье подумал?» – кричит жена своему мужу-алкоголику, или мужу-игроку, или, не дай Бог, наркоману. Или просто мужу-гуляке.

Ну да, только у него и делов, что думать о семье.

Это, конечно, примеры экстремальные. Нет, не часто встречаются на свете люди, которые способны думать о других. И, более того, что-нибудь для других сделать, не требуя ничего взамен. Не требуя ничего для себя, для своей личности.

Мы отвыкли думать о других. Мы утратили чувство братства и даже чувство соседства.

Чужие среди чужих. Иногда даже в собственном доме, в собственной квартире – и то чужие среди чужих.

Сухие, чёрствые, как головешки.

А вагон всё движется, движется...

«Осторожно, двери закрываются». Закрываются, закры-

ваются двери! Осторожно!

Мужик с портфелем

Хорошо, что я по графику работаю. Сегодня воскресенье, так можно хоть посидеть. А то работа такая, что не посидишь. Машины эти так и снуют. Туда-сюда, туда-сюда. А наше дело какое? Наше дело сторожевое. Пропуск проверить, начальству позвонить.

Да, работа есть работа. А куда пенсионеру военному податься? Нет, ну была бы у меня хоть специальность техническая... а так... Равняйся, смирно. Ать-два, ать-два. И так всю жизнь.

Нет, жаловаться грех. Грех! Бывали и у нас времена! Были и мы рысакими! Не то что сейчас молодёжь. Ну что это за хлюпик напротив меня? Тьфу, смотреть противно! Всё ёрзает, ёрзает. Небось от армии откосил. Или родители любящие выкупили, за взятки.

Ну что он ёрзает, как будто у него шило в штанах? Точно – не служил! Откупился, как пить дать откупился!

Что это за жизнь? Одни взятки да бандиты!

Ничего не понятно. Кто у власти? У кого деньги? И почему вдруг деньги оказались у этих людей, а не у других? Откуда они повылели, «новые», эти олигархи, из каких щелей?

Голова болит. Давление стало повышаться в последнее время. Жена померит и молчит. А потом идёт за таблетками.

«Сто шестьдесят на сто», – говорит. А там, наверно, и больше оно, давление-то. Точно больше.

Сколько её осталось, этой жизни? Разве так я думал доживать свой век? В прежние времена мог подполковник свободно жить на пенсию.

Просто жить, на рыбалку ходить, на даче ковыряться. Мемуары писать! А что, есть о чём и мемуары написать. Столько всего было за двадцать пять лет службы... Три заграницы... Африка...

Вот тебе и Африка. Успокойся! Сторож – он и в Африке сторож. И портфель этот... Как он мне надоел, портфель этот! Тяжёлый, собака! Можно подумать, сокровища везу, такой он тяжёлый, этот портфель. А там еда на двое суток. Суп в стеклянных банках, вот что там! Дожил...

И жена... тоже болеет и на пенсии. И всё работает. А как прожить? Как прожить на пенсию, если не работать?

Эх, Родина милая, где ты? Что же ты сделала с нами, с защитниками своими?! Неужто и вправду защищали мы не то... и не так?

И что делать? Богу молиться? Вон как эта богомолка, соседка моя. Ишь, молитвенник читает! А тоже, наверное, в КПСС состояла. И партвзносы платила, и на собраниях сидела!

Смотреть противно!

Нет, ну а сама она так... ничего. Симпатичная, наверно, была в молодости.

Эх, молодость! Молодость...

Парень в синей шапочке (непечатная лексика закодирована)

Скорее бы, скорее бы доехать. Э-э, как же я мог так лохануться! Э-э! Сволочь этот Коля, сволочь! Я его как родного, а он... Э-э, украл дозу, украл последнее, э-э-э, э-э, э-э-э, э-э. Меня кумарит! Ломает, всухую ломает, э-э, э-э, э-э...

Коля сволочь, сволочь... Как мне хреново! Скорее бы доехать и у Сереги взять. Хоть немного, э-э, э-э, сука, сволочь этот Коля...

Что ты выпялился на меня, боров толстый? Морда красная! Что смотришь? Э-э!

Что тебе надо от меня?

Коля сволочь! Э-э! Э-э!

И т. д. и т. п.

– Уважаемые пассажиры! Извините, что беспокою вас ранним утром. Однако то, что я хочу вам предложить, пригодится вам в повседневной жизни.

На очередной станции в вагон вошли четверо. Молодая женщина с давно крашенными белыми волосами и довольно заметными синими кругами под глазами. В руках женщина держала сумку и пакет. Она опустилась на свободное место в центре вагона.

Рядом с ней присела другая женщина. Средних лет, в берете. Так себе, ничем не примечательная тётка.

Туда же, только с другого края лавки, опустился ещё молодой мужчина в очках. Этот сразу достал книгу и приготовился читать. Но и он волей-неволей вынужден был посмотреть в сторону четвёртого вошедшего.

Все сидящие в вагоне подумали примерно одно и то же, только с небольшими нюансами:

«Господи! И в воскресенье их носит! Как же они забодали, эти... как их... коммивояжёры!»

– Уважаемые пассажиры! Позвольте предложить вам пальчиковые батарейки и ручки трёх цветов по цене десять рублей за три штуки, а также гелевые ручки, пластырь, блокноты... Кто заинтересовался, прошу! Покупайте здесь, а то потом кинетесь – а не будет!

Вот уж действительно! На всю оставшуюся жизнь чтобы хватило! И батареек, и пластыря, и гелевых ручек.

На всю жизнь... на всю...

– Сюда подойди! – подозвал продавца мужик с портфелем. Он вспомнил, что у него на работе начал отставать будильник. – Батареек мне, пару штук!

– Они по две штуки, в упаковке. Берите две упаковки, на запас!

Мужик усмехнулся:

– Ладно, давай!

И подумал: «На тебе бы пахать, а ты по вагонам ходишь, батарейки носишь!»

Продавец же подумал что-то вроде: «Сколько ношу эту гадость, не перестаю удивляться, что люди это покупают. Не смотрят ни на срок годности, ни на то, как грубо прикреплены эти батарейки к упаковке. Лохи, одним словом! Лохи московские!»

– Ко мне подойдите, пожалуйста! – подозвала продавца только что вошедшая женщина с плохо крашенными волосами. – Мне ручки трёх цветов. Проверьте, пожалуйста.

И блокнотик. Самый красивый. Какие там у вас?

Женщина выбрала блокнотик и расплатилась.

«Неплохо, для пустого вагона», – подумал продавец и ещё раз громко повторил:

– Кто желает? Батарейки, ручки, блокноты. Пластырь, не видимый на теле!

Азербайджанец посмотрел на продавца и сказал:

– Иды, иды!

«Да уж, – подумал продавец, – тебе ничего не всучишь!

Ты сам всучишь кому чего не надо!»

Продавец плюхнулся на свободное место, поблизости от целующейся парочки. Парочка продолжала целоваться.

«Во дают! – подумал продавец. – А тут уже третий месяц, как жену не видел. И вообще бабы никакой не видел. Комнату сняли на пятерых, да и то едва хватает, чтобы расплатиться и домой хоть немного денег выслать. Эх, домой бы сейчас! Здесь уже осень, а в Молдавии ещё тепло... Виноград убирают... Убрали уже, наверное. Эх!»

Продавец прикрыл глаза и поехал до следующей остановки, чтобы перейти в другой вагон.

Тёща

Ни! Я в цю Москву бильше нэ пойиду! (далее – перевод).

Нет! Я в эту Москву больше не поеду! Хоть Галя и зовёт меня, хоть приглашает – нет! Нечего мне здесь делать! Пусть Галя приезжает в Полтаву, а я сюда больше ни ногой! Смотреть на этого... прости господи, на этого москаля!

И что Галя в нём нашла?! А я так думаю, что гуляет он! На сторону он ходит, потому и смурной такой!

Всё ему мать поперёк горла! Мать же чувствует, когда что-то не так.

И чего ему ещё надо?! Галя моя – хозяйка! А уж красивая... Ну не красивая, так симпатичная какая! Всё при ней! И глаза, и брови, и на тело не худая. Не то что москальки эти! Ну вот, глянь, какая уселась! Ни кожи ни рожи! Космы крашенные торчат, морда синяя. Тьфу!

Всё, больше я в эту Москву ни ногой! Пусть Галя как хочет, так и живёт... с этим, а я – нет!

Скорее бы до вокзала доехать. Что они в ней находят, в этой Москве?! До вокзала – полтора часа! До работы – полтора часа! И с работы – полтора часа! А жить когда?

Ой Галя, Галя, бедная Галя моя! Ой горе, горе!

Ой Галю, Галю, бидна Галю моя! Ой лышенько, лышень-

κο!

Женщина с плохо крашенными волосами

Доченька моя, доченька! Как ты там? Полдня тебя не видела, а уже не могу... Доченька! Как же так, как это всё могло произойти? Как ты могла выбежать на неё, на эту дорогу? Как?

Боже мой! Только бы ты жива была! Только бы восстановилась, после этой... черепно-мозговой травмы! Врач говорит, что восстановишься. Только это потребует и времени, и средств. А где их брать, эти средства?

А этот гад, который сбил... Боже мой! Скрылся, с места происшествия! Скрылся! БМВ! Крутой! Как таких земля носит? Как он на свете жить может после этого?

Господи, помилуй её, кровиночку мою, солнышко моё... Милиция не найдёт... Очень им это надо – искать. Мы им не платим, у нас и на лечение-то денег нет.

Только бы восстановилась, только бы восстановилась... Попробую, может, будет рисовать. Как продавец этот вошёл, так я и подумала... может, будет рисовать...

Да хоть что-нибудь! Господи! Помилуй её... помилуй...

На остановке коммивояжёр выскочил, а в вагон с противоположного конца вкатилась коляска. В коляске сидел молодой парень в камуфляжной форме, без ног, по колено.

– Граждане! Извините, что обращаюсь к вам в воскресный день. Я потерял ноги на Чеченской войне. Помогите, чем можете, ради Христа! Подайте защитнику Родины, потерявшему ноги в Чечне! Подайте, граждане, кто сколько может! Подайте, граждане, ради Христа!

«И для этих тоже ни воскресенья нет, ни утра, ни вечера. Ни милиции на них нет, ни богадельни», – примерно так подумали почти все, кто ехал в вагоне. А что толку?

Думай не думай...

Парень продвигался по вагону, вертя руками колёса. Первым вынул десять рублей мужик с толстым портфелем.

«Пожалуй, этим ещё хуже, чем нам, – подумал он. – Мы то хоть знали, чему служили и кому. А этих бросили под пули, и всё. И никто из тех, кто выбил половину поколения, не понёс никакой ответственности. Хотя ездить вот так... побираться... не знаю, не знаю... А как бы я поступил, случись со мной такое? А ведь могло случиться. Могло, конечно. Ездил бы я так? Не знаю. Хочется думать, что нет. Нашёл бы способ заработать. А как? Как бы я зарабатывал в таком случае?»

Не придя ни к какому определённомu выводу, мужик за-

крыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

«Ишь добренький! Лучше бы мне подал! Потряс бы свой толстый портфель в пользу страждущего... – подумал парень в синей кепке. – Только мне не десять рублей надо. А что, сейчас пойду по вагонам и буду просить: “Граждане, я пострадал от этой жизни! У безногого своя Чечня, а у меня своя! Скиньтесь на дозу, кто сколько может!” Ох как же мне плохо! Коля, сволочь! Э-э-э!»

Женщина в платке отложила книжку и суетливыми движениями стала доставать из сумки кошелёк.

«Надо подать, – подумала она. – Если не можешь как надо в грехах покаяться, так хоть милостыню подай. Почему же мне так тяжело подавать всегда? Всегда подаю, и всегда – через силу. Может, потому, что все говорят про эту мафию... мафию нищих? Или про то, что днём эти нищие милостыню просят, а вечерами в дорогих ресторанах сидят? А этот сидит в ресторанах? Нет, наверное. Это искушение всё. Чтобы человек не мог просто подать, из милосердия. Да где оно, милосердие? Нет его у меня, нет! Не чувствую! Подаю, а сердце как камень. Как лёд. Господи, помилуй меня, грешную! Дай мне милосердия! Растопи лёд в моём сердце, Господи!»

Нищий уже давно проехал, а женщина в платке всё не начинала читать. Потом она снова раскрыла книгу и долго сидела над ней, не листая страниц.

Как ни странно, нищему подал старший азербайджанец, а потом женщина с плохо покрашенными волосами.

Помятый мужчина сидел с задумчивым видом и пристально посмотрел на нищего, когда тот с ним поравнялся. Солидный же лысоватый денди, наоборот, сделал вид, что происходящее его совершенно не касается.

Просто женщина – та, которая в берете, – хотела было подать и даже достала кошелёк... но закрыла его и снова спрятала в сумку. Видно, бумажной мелочи не нашла.

А подавать мелочь металлическую... ну, это, знаете... Московские нищие могут счесть за оскорбление личности. Но и сто рублей подавать – это уж слишком!

Тёща и дочь её только поджали губы, став на мгновение похожими, как близнецы. Зять же сидел набычившись и не пошевелился.

Немолодая парочка – те только крепче прижалась друг к другу.

«Ну и так неплохо, для пустого вагона», – подумал нищий, и взгляд его упал на целующихся.

Нищий сразу забыл про деньги.

«Эх, мне такого не видать! Лучше не смотреть, а то и расплакаться можно, – подумал он и отвернулся. – А чего теперь плакать? Сам дурак! Катались с пацанами на поездах... а свалился один я. Уже все женатые, а я тут... Только и могу, что проститутку дешёвую снять, да и то раз в месяц... чтобы согласилась со мной, с безногим... Езжу вот. Отстёгиваю кому надо. Жить можно. И ночевать место дали. А как мне ещё жить?»

Инвалид поставил коляску так, чтобы на остановке можно было быстро выкатиться из этого вагона и перейти в следующий.

«Хорошо, что сосед надоумил в Москву поехать, – продолжал он свои невесёлые размышления. – В деревне я совсем загибался. Поначалу противно было, а сейчас привык уже. Вот поднакоплю – и отпуск себе устрою. Только бы не отобрали деньги-то... К матери поеду, под Рязань. Как там она одна управляется? Да и я ей не помощник. Не помощник... И как я доеду до неё? Надо доехать. Надо доехать. Мама, мама, прости. Мама...»

Старший азербайджанец (перевод)

А почему убогому не подать? Надо подать! Не обеднею и не разбогатею от этого. Вот рынок – другое дело. Рынок – это рынок.

Нет, на рынке хорошо. Если не лезть куда не надо. Если не приближаться к Али и на своём месте сидеть, тогда хорошо. И зачем я вылез?

А мне деньги нужны. Жена вот-вот родит второго. На УЗИ сказали, что мальчик будет. Второй мальчик, второй сын будет у меня! Продолжатель рода моего!

Нет, Али должен понять! Должен простить, и всё будет так, как раньше. Разве я не работаю на него три года? Даже больше!

Сколько я уже в Москве? Три года? Четыре? Ну да, правильно, я приехал, когда сын родился. А жена через полгода приехала. Тогда и квартиру сняли. Тогда я и гражданство купил, и прописку купил. Машину купил.

А сейчас сыну уже четыре года. Скоро пять! Ай как время летит!

Нет, куда я вылез?! Зачем вылез не на своё место?! Надо пойти к Али, поговорить. Сказать, что я буду сидеть на своём месте. Как надо, так и буду сидеть. А если случится что со мной? Али – он крут на расправу, ох как крут!

Если со мной что-нибудь случится, куда жена пойдёт? В Баку поедет? Сама? Нет! Кто ей поможет? Саид? На него надежды мало. Молод ещё.

Сам я влез не в своё дело и брата подставил. Машину разбил! Покупать надо, скорее покупать надо! Я уже в метро не ездил... больше года, наверное.

Всё, решено – пойду к Али, сегодня же и пойду!

А этому, безногому... Охрани, Аллах, от такой участи!

Пойду к Али! Даже страшно подумать, что можно вот так... в коляску сесть... Али крут на расправу, ох как крут!

О-о-о... Пойду к Али и носа больше не высуну! Никуда не высуну! О-о-о...

Не совсем лирическое отступление № 3

Странные мы существа, люди. С кем ни поговори, кого ни спроси, каждый может о самом себе хоть два часа рассказывать.

Или о том, что он чувствует, или о том, что он думает. Или о том, что он купил, или о том, что он продал.

Или о том, как он вчера устал, или о том, как он вчера отдохнул. Или о том, какой сон ему сегодня приснился, или о том, как он, бедный, ворочался и заснуть не мог.

Определённо, всё то, что с нами происходит, имеет для нас, то есть в наших глазах, огромную ценность, ценность непререкаемую, непреложную.

Что или кто может заставить человека забыть о себе? О себе любимом. О себе, таком важном и таком неповторимом.

В конце концов, почти не важно, что думает о себе человек. Ругает ли себя, гордится ли собой. Важно, что и гордится, и ругает он – себя! Опять, опять себя!

Себя любимого, себя важного, себя неповторимого...

Лысоватый денди

Хороша была Нинуля, ох хороша! Какая женщина!

И квартира приличная, и в квартире всё как надо.

И муж часто в отъезде бывает. Хороша! Хороша! Вспомнить... вспоминать приятно.

Но не последний же раз! Я ей нужен, и она мне. Самое главное, мы оба зрелые и самостоятельные люди. Без сантиментов. На сантименты времени нет! Всякие там ухаживания, ахи да охи... Ерунда всё это! Ерунда!

Жена, конечно, есть... ну что с неё взять...

А Нинуля... вне конкуренции!

Она бы отвезла меня домой, но я сам отказался.

Хороша! Хороша Нинуля!

Нет, я не думаю, что она со мной из-за своего дела... Нет, конечно, нет. Дело делом, гонорар гонораром. Она же и не заикнулась об этом. Мы вообще не разговаривали.

Да, приятно думать, что с тобой спят просто так, а не потому, что ты адвокат!

М-да...

Свежо предание, да верится с трудом. Ладно, посмотрим. Время покажет.

Но хороша! Хороша!

И я был... ничего. В грязь лицом не ударил. Я ещё хоть

куда! Это приятно, чёрт возьми!

Как это приятно!

Только жаль, что я свою машину на стоянке оставил. Туда-то она меня довезла, а обратно... И какого чёрта я влез в это метро? Я уже в нём не был... года три. Лучше бы такси взял! А я вышел – метро рядом. Ноги сами понесли.

А я отвык... Отвык от метро. А сколько ездил в своё время...

Нет, больше я таких экспериментов над самим собой ставить не буду. Это уже совсем не то метро, которое было тогда, когда я был молод. Ну и публика теперь здесь! Ну и лица! Ну и типажи!

Хоть на этих посмотри... на лиц кавказской национальности! Ишь как старший развалился! Как хозяин! А младший? Сколько у него классов образования?

И вообще, они для меня как инопланетяне, эти пассажиры метрополитена. Да-с.

Вот ещё чудо с мешками! Откуда она взялась, эта бабка старая? И дочурка ей под стать. Похожа. А мужик... Лицо такое, как будто его топором рубили. Я уже сто лет таких не видел. А они, оказывается, ещё есть и в московском метро ездят.

Но эти-то ещё куда ни шло, но бомжи! Сидеть на одной лавке с бомжом... Б-р-р!

Бомжи, нищие, какие-то типы бандитской внешности... кто ещё?

Такси! Надо выйти и пересесть на такси!

Или доехать уже? Кольцевая скоро...

Ладно, доеду. Доеду как-нибудь. Но больше – ни-ни! Лучше я буду думать о том, как хороша Нинуля.

Хороша...

Не совсем лирическое отступление № 4

Бежит поезд метро, бежит и везёт нас, думающих о себе. Поезд метро не ошибается. Он везёт нас к нашим, таким родным и близким целям.

А цели у нас разные.

Например, по расстояниям. Бывает цель на расстоянии в полчаса, в час или в полтора-два часа. Если прибавить к расстоянию на метро расстояние (и время) в автобусе или в маршрутке. Это кому как надо, конечно.

Бывают цели длиною в несколько дней. Это такие цели, паровозные. Бывают цели длиною в месяц или длиною в год. Редко, но бывают. Бывают даже цели длиною в жизнь. Но это ещё реже.

В основном цели наши так... текущие...

Бывает, что цели путаются в наших головах да спорят, которая главней. Выходить на Кольцевой или ехать до конечной? Жениться или не жениться? Украсть или отдать? Купить или обойтись?

Те, у кого в голове меньше путаницы, более счастливы, надо понимать.

Зачем и куда мы спешим? К какой конечной цели?

И почему мы в основном именно спешим? Торопимся. Согласитесь, что внутри у каждого из нас существует... как бы это поточнее выразиться... внутренний погонщик, что ли. Подгоняльщик. У кого он сильнее, у кого слабее. Но он есть у всех. У каждого.

«Спеши, спеши, а то не успеешь! Скорее ищи, а то не найдёшь!» – нащёптывает он нам в ухо. И мы бежим, бежим. Спешим, спешим. Ищем!

Спешим дойти до очередной цели. Спешим жениться, спешим на работу, спешим за картошкой на рынок. Спешим наладить бизнес и скорее получить прибыль.

Вот мы уже женились, получили прибыль, купили картошку. Возможно, мы купили квартиру или алюминиевый завод. Это кого куда подталкивало.

И вот, только мы собрались перевести дух и отдохнуть, как подгоняльщик снова шепчет: «Спеши! Спеши, а то не успеешь! Цель не достигнута! Скорее ищи, а то не найдёшь!»

Да что же это такое?

Господи! Кто же так тормозит и подгоняет нас? Кто это такой, что не даёт нам остановиться и подумать? Кто заставляет нас спешить, торопиться и вечно искать то, чего нет?

Сколько бы мы ни рассказывали друг другу, какие мы хорошие и как многого мы достигли. Сколько бы мы ни спешили.

Не тот ли это, который с рогами и с хвостом?

Мы ведь спешим потому, что пытаемся своей спешкой за-

глушить Твой голос, Господи. Мы пытаемся заглушить голос своей совести, которая уже устала звать нас, чтобы мы наконец остановились и подумали.

Мы и хвастаемся только потому, что хотим заглушить в себе Твой голос! Так вот сами себя и обманываем.

Не Ты ли, Господи, заставляешь нас, едва дышащих, загнанных вечной спешкой, поднимать головы вверх и искать ответа там, в небесах? Не Ты ли, из рода в род, объясняешь нам, что здесь, под луной, ничего нет вечного и что главная цель, к которой Ты нас толкаешь, находится совсем не там, где мы её ищем?

Прости нас, Господи! Уж очень долго нам надо всё объяснять... долго, а иногда и мучительно. А до некоторых так и не доходит.

Так и не доходит, до самого конца.

Прости нас, Господи!

Сначала поезд тихонько завибрировал. На это никто не обратил внимания. Затем вибрация усилилась, и поезд задрожал.

Люди приподняли головы и взглянули друг на друга.

Вибрации поезда перешли в значительные колебания. Люди схватились за поручни, за лавки и друг за друга.

Люди не успели даже подумать. Люди не успели опомниться, как раздался грохот. Именно грохот... густой, утробный, мощный и мрачный. Поезд дёрнулся, сбросив некоторых пассажиров на пол. Потом поезд дёрнулся ещё раз, колёса завизжали, и поезд остановился.

Начал мигать свет.

«Граждане пассажиры! Сохраняйте спокойствие!» – раздался из громкоговорителя голос машиниста.

Голос повторил эту фразу один раз, потом другой, уже хрипя, а в третий раз фраза оборвалась на полуслове. Свет в вагоне был стал тусклым, едва мерцал. Надо понимать, это был аварийный свет.

Грохот усилился. И вдруг почти над головами пассажиров раздался... даже не грохот, а взрыв... Будто земля рухнула. Вагон резко дёрнуло, потом начало поворачивать... корёжить. В основном ту часть вагона, где сидела целующаяся парочка.

Парочка давно уже сползла с лавки. Двое сидели на полу, прикрыв руками головы и прижавшись друг к другу.

Инвалида, вместе с коляской, прижало к двери вагона и слегка сплющило. Видимо, в тот момент, когда поезд сходил с рельсов.

Кто ещё и как был повален, не было видно из-за наступившей темноты.

Люди в вагоне кричали, но их крики сливались с общим грохотом и с шумом обрушения земли. Кто-то вжался в лавку, а кто-то, как и парочка, сам сполз на пол.

Свет задрожал и полностью потух. В крошечной тьме какое-то время ещё было слышно, как куски бетона падают на крышу вагона... Сам вагон уже никуда не двигался и стоял слегка накренившись.

Потом, через мгновение, всё стихло... И эта тишина и наступившая темнота были страшнее всякого грохота...

В тишине слышался только чей-то слабый стон.

Да, тишина и темнота оказались страшнее грохота.

Когда ты слышишь грохот, это страшно, но это значит, что что-то происходит.

А когда наступают тишина и темнота, то это значит, что уже всё произошло, и к сердцу подступает совсем другой страх. Страх того, что всё свершилось и нам ничего уже не дано изменить.

Да. Всё свершилось, и ничего уже не изменишь...

– Что это такое? Что происходит? – прозвучал голос в темноте.

В ответ ему послышался только стон.

– Есть кто живой? Люди, есть кто живой?

В темноте началось шевеление. Замигало пламя зажигалки. Потом чиркнула спичка. Погорела немного и погасла. Люди стонали и шевелились; стонали и поднимались с пола вагона. Зажёгся огонёк мобильного телефона. Голос с акцентом произнёс:

– Сейчас я по мобильнику позвоню!

Через мгновение в общей тишине прозвучал равнодушный голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– Нэт, связи нэт!

Зажёгся ещё один огонёк – с тем же результатом. Это пы-

тался позвонить по телефону солидный лысоватый мужчина. Потом он вытащил свою зажигалку и тоже зажёг её.

– Что же это с нами, а? Что произошло?

Не сговариваясь, люди собрались в центре вагона. Нищий тоже подъехал на своей коляске. Колёса погнулись, но коляска могла передвигаться.

Младший из азербайджанцев держал мобильный телефон включённым, а старший держал зажжённую зажигалку. Люди собирались на эти огоньки. Со своей зажигалкой подошёл и солидный мужчина.

– Все тут? – спросил мужик с портфелем, бывший военный.

– Вроде бы, все.

– Нет, вон женщина, на лавке.

В тусклом свете было видно, что на лавке, в перекошенной позе, застыла женщина в берете. Один из мужчин – тот, что читал книгу, – подошёл к ней и аккуратно, ровно уложил её на лавке.

– Я врач, – сказал он. – Крови, кажется, нет. Пульс приличный. Или головой ударилась, или сознание потеряла.

Пусть лежит.

– Остальные все?

– А я? – прохрипело из угла. – Чё это тут случилось, а?

Ёлки-палки, чего это темно?

Бомж! Там же бомж ехал!

– Сиди где сидишь! – сказал бывший военный. – Не ры-

пайся!

– А чё?

– Сиди, а то я сейчас приду и объясню тебе, чтоб ты понял!

– Сижу, сижу...

– Что делать-то будем? А, мужики? – ещё раз спросил бывший военный. – Связи нет. У кого ещё есть мобильники?

– У меня.

– У меня.

Кроме солидного мужчины мобильники оказались у той пары, что сидела рядом с тёщей и её зятем, причём у обоих, а также у женщины с плохо покрашенными волосами. Правда, сейчас это уже не имело значения, так как её волос не было видно. Женщину звали Лида.

– Ещё у меня есть, – сказала Лида. – Вот он.

Имелись мобильники у парня из целующейся парочки и у доктора.

– Всего – семь, – подытожил бывший военный. – На какое-то время хватит. Включать будем по одному, пока батарейки не сядут. Будем звонить периодически. А зажигалки у кого есть?

– У меня.

– У меня.

– У меня спички есть.

– Держите пока при себе. Если что, зажигаем по одному. На какое-то время нам хватит.

– На какое? На какое время... нам этого хватит? – нервно спросила Лида. – Мне к дочери надо. Она в больнице лежит и там одна осталась.

– Кто же знает на какое... – произнёс бывший военный.

– А потом? Потом, когда не хватит? – спросила женщина из немолодой пары.

Ей никто не ответил.

Мгновение тишины наступило после этих слов... Кажется, до людей постепенно стало доходить, что произошло нечто... нечто ужасное.

Никто не знает, что произошло. И никто не знает, надолго ли это. Сколько можно выдержать под землёй? Будет ли связь, и придёт ли помощь? И жив ли кто-нибудь ещё, в соседних вагонах? А воздух? Воздуха-то хватит или нет?

И вообще, всё это или не всё – то, что произошло?

Возможно, катаклизм ещё не закончен, и сейчас, через несколько минут, снова раздастся грохот, и толстый пласт земли накроет их всех и похоронит здесь, в этой общей и давно заготовленной для них могиле?

– На сколько нам воздуха хватит? Нам воздуха хватит или нет? – кажется, это настойчиво повторял тот самый молодой парень, из целующейся парочки.

– Боже мой... – сказал кто-то в тишине.

– Ой лышенько! Ой лышенько! – тихонько причитала тёща. – А як же ж я до Полтавы дойду... Ой лышенько! Ой...

– Мамо, годи! Перестаньте уже! – одёргивала её дочь.

Мама не реагировала и продолжала причитать.

Солидный мужчина стоял-стоял и вдруг резко бросился к переговорному устройству, к кнопке связи с машинистом. Кнопка слабо отсвечивала в мерцающем свете, прямо над головой азербайджанца.

Мужчина нажимал на кнопку, как сумасшедший, и кричал:

– Алло, алло! Алло!

– Нэ кричи, – сказал старший азербайджанец. – Бэз тэбя тошно... Чэго кричишь?

И он произнёс несколько слов на своём языке. Видимо, эти слова обозначали, что чувствует человек, их произносящий.

– Да! – ответил по-русски его младший брат.

– Да, ситуация... – Бывший военный, пожалуй, мог оценить создавшееся положение адекватнее всех. – Нас завалило, это факт. Но мы пока живы, и это тоже факт. Надо бы на разведку сходить. Но с мобильным этим светом далеко не уйдёшь. И с зажигалкой тоже. Факел, что ли, сделать? Но факел много кислорода жрёт.

Был бы хоть фонарик...

– Да кто сейчас носит с собой фонарики! – сказал доктор.

– Двери-то открыть можно? – Бывший военный подошёл к дверям.

С ним вместе подошёл и тёщин зять. Вдвоём они попытались открыть двери вагона. Двери поддались им после небольшого усилия. Пневматическая система тоже оказалась повреждённой. Но выходить в крошечную тьму...

– Эх, был бы фонарик! – снова воскликнул бывший военный.

На этот раз в дальнем углу вагона зашкряпало, закашляло и раздался голос бомжа:

– А кому нужен фонарик? Только он не светит...

Волна запаха возвестила о том, что бомж приблизился к общей компании.

В руке у бомжа был фонарик. Маленький такой, выдававший виды фонарик.

– Батарейки! – хлопнул себя по лбу бывший военный. – Я же батарейки купил! Посвети! Подходят! Слава Богу, подходят!

Азербайджанец придвинул к нему телефон.

Вот уж действительно, не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

«Батарейки-то я купил, – подумал бывший военный, – а вот где сейчас их продавец...».

Бывший военный вставил батарейки в фонарик. И свет его, брызнувший лучом по стенам вагона, показался всем искрой надежды.

Но бывший военный выключил свет почти сразу.

– Экономить будем, – объявил он. – Кто на разведку со мной?

– Я! – вызвался тёщин зять.

– Я! – поддержал старший азербайджанец.

Младший пытался сказать ему что-то на родном языке, но старший одёрнул его и повторил:

– Я пойду.

– В армии служил? – спросил азербайджанца бывший военный.

– Так точно, – ответил тот. – В танковом полку. Ещё в СССР. Дембель девяносто один.

– И кому оно всё мешало? – вздохнул бывший военный.

Ему никто не ответил.

Понятно, что он имел в виду, этот бывший военный.

– Надо бы ещё одного человека, – сказал он. – По двое пойдём, в разных направлениях. А, мужики?

– Я пойду, – отозвался доктор.

– Да нет, ты тут сиди. Вон у тебя ещё одна... не оклема-лась. Что, больше никто не желает?

– Ну... ну ладно, давайте я. – Это откликнулся мужчина из немолодой пары.

– Нет! Нет! – Женщина вцепилась в него обеими руками. – Не пущу! Нет! Я умру без тебя! Нет!

– Сиди уж! – остановил её бывший военный. – И вообще, давайте без истерик. Пошли, что ли? – Он тронул за плечо парня в синей кепке, на которого успел налюбоваться по дороге.

Парень молчал.

– Пошли, что ли? Или кишка тонка? – снова потрянул парня бывший военный.

В ответ парень как-то странно изогнулся, накренился и вскочил с лавки. Потом он побежал вглубь вагона, туда, где лежала на лавке женщина в берете, и начал делать такие движения, как будто сейчас его начнёт рвать.

– Отстань от меня, – прорычал парень, когда его немного отпустило. – Ты что, дурак, не видишь, что кумарит меня? Э-э-э! А-а-а! Отстаньте все! Отстаньте от меня все!

Парень упал на лавку, напротив лежащей женщины, и забился, заколотил руками и ногами.

– Что это с ним? – не поняла женщина в платке.

– Ломает его, – пояснила девушка из целующейся парочки. – Наркоман он, вы что, не видите?

– А почему мы должны это видеть? – спросила Лида.

– Так надо быть слепым, чтобы не видеть.

– У нас опыта нет... в таких делах, – сказал бывший военный.

– Да, батя, вы больше по алкоголизму...

– Не умничал бы ты!

– А-а-а! – продолжал выть и корчиться наркоман.

Слушать его вой было невыносимо.

– Этого ещё не хватало! – возмутился солидный мужчина. «Почему я не вышел на предыдущей остановке? Почему я вообще сел в это метро? Зачем я польстился на эту... на эту Нину Сергеевну, чёрт её принёс в нашу контору!» – Солидный мужчина аж кипел внутри от бессмыслицы и нелепости всего происходящего.

Самым главным из его чувств было пока ещё не чувство надвигающейся смертельной опасности. В нём бушевало и не находило выхода оскорблённое самолюбие.

Он, такой умный, такой важный и значительный человек, преуспевающий адвокат, – и оказался заперт здесь, в этом нелепом вагоне! С этими нелепыми людьми... людишками... бомжами, наркоманами. Как, почему?

– Эту мразь, – произнёс солидный мужчина, – этих наркоманов, за сто первый километр надо вывозить.

А что ещё он мог сказать?!

– Очень уж ты крут, дядя, – усмехнулся парень из целующейся парочки. – Сам небось травку покуливаешь?

– Как вы можете?! Это вы дошли уже неизвестно до чего! Как вы можете?!

– Как можем, так и курим. Смотри, дядя, как бы нас всех отсюда не вывезли, то есть не вынесли бы ногами вперёд. И никто не спросит, наркоман ты или нет.

Адвокат хотел было что-то сказать и даже набрал в лёгкие воздуха. Но передумал и просто стукнул кулаком по стенке вагона.

– Ой лышенько! Ой лышенько... – продолжала тихонько причитать тёща. – Ой не дойихала до дому, не дойихала...

– Мамо, да помолчите хоть вы!

– Ой лышенько, доню, лышенько...

– А-а-а! – взвыл парень.

Плакала в голос Лида. Плакала с подвываниями женщина из немолодой пары. В общем, вой стоял. Стон и вой.

– Доктор! Вы можете сделать с ним что-нибудь? – спросила женщина в платке. – Невозможно же слушать, как он вопит! Ему же помощь нужна!

– Я просто доктор, детский врач, между прочим. Хоть и хирург, – ответил ей доктор. – Я не передвижная аптека, и я не вожу с собой морфин.

Парень, продолжая кричать, стучал руками и ногами по лавке и по полу.

– Посвети-ка мне, – обратился к бывшему военному тёщин зять. – Я его сейчас вылечу.

В ярком луче фонарика тёщин зять подошёл к парню в синей кепке. Кепка, кстати, давно уже упала с его головы. Под кепкой были длинные бесформенные космы.

Тёщин зять развернул парня одним движением, с левой руки, а вторым движением, уже справа, молниеносно опрокинул парня снова на лавку.

Парень охнул и схватился за челюсть.

– Будешь выть – получишь ещё, – довольно спокойно произнёс тёщин зять. – Гаси свет.

Наркоман и вправду притих. И все притихли. А зять вернулся на своё место, потирая правый кулак левой рукой.

– А ты-то сам, – спросил тёщиного зятя бывший военный, – ты-то сам служил? Где служил?

– Служил, служил. Не видишь, что ли? ВДВ.

– Видно.

– Я таких... – ещё не отошёл тёщин зять. – Видел я таких. – Да Бог с ним. – Кстати... – тёщин зять посмотрел в сторону нищего. – Ты извини... я тебя спросить хотел... Тебя где? Где ранило? В каком году тебя там, в Чечне? Может, мы где-то рядом были? А, братан?

– Я... я...

– Так кто четвёртым будет? – перебил нищего азербайджанец. – Идты пора. Потом расскажешь.

– Ладно, братан. Потом так потом. И правда надо идти.

Раньше пойдём – раньше выберемся отсюда.

– Не факт, не факт, – покачал головой доктор.

– Не каркай, доктор, – отозвался бывший военный.

– Ну... давайте я, – выдвинулся ничем не примечательный, слегка помятый и небритый мужик. – Только не спрашивайте меня, где я служил и кому.

– Твоё дело, – согласился бывший военный. – Со мной пойдёшь. Можешь называть меня Николаем Васильевичем.

– Очень приятно, гражданин начальник.

– Очень или не очень... А тебя как звать-величать?

– Саша. Да, просто Саша. Разницы ведь никакой нет, как меня зовут.

Бывший военный, то есть Николай Васильевич, только хмыкнул.

– Сергей, – представился тёщин зять.

– Алик, – представился и азербайджанец.

– Так, ребята, – Николай Васильевич взял командование на себя, – идём осторожно, вдоль стен. Мы берём фонарик, а вы – зажигалку и мобильник. Светите мобильником, а когда что интересное попадётся, включайте зажигалку. И ещё спички возьмём, на всякий случай. Наша задача – найти проход... выход. Если находим что-то похожее – вместе собираемся и только тогда лезем. И вообще, если находим... что-нибудь...

Мужчины начали спускаться из вагона. Никакого движения воздуха из открытых дверей вагона не ощущалось.

Женщина в платке перекрестила уходящих во тьму мужчин.

В наступившей темноте слышалось, как тихонько скулит наркоман на своей лавке.

Мужчины обошли территорию вокруг вагона. Не так уж много осталось места... Со стороны состава всё было наглухо завалено.

Небольшое пространство около открытых дверей и примерно такое же за вагоном. Как бы коридор, окружающий вагон с двух с половиной сторон.

– Может, попробовать пробиться... прокопать какой-нибудь лаз... – предложил Сергей, когда обе части разведгруппы собрались позади вагона.

– Давай попробуем, – согласился Саша.

Они присели на корточки и попытались сдвинуть обломки тоннеля.

Обломки практически не поддавались.

Сергей схватил увесистый камень, лежавший отдельно. Сначала слышался только стук камня о камень, а потом раздалось глухое ворчание, и часть камней осыпалась, едва не придавив Сергея и ещё больше сократив жизненное пространство.

– Стой, стой! – запоздало скомандовал Николай Васильевич.

– Нэ надо... – сказал Алик.

– Сам вижу, – отозвался Сергей, отряхиваясь. – Всё я вижу, не слепой.

– Кто здесь умеет шахты строить? – задумчиво спросил Николай Васильевич. – Специалист бы не помешал.

– И оборудование, – добавил Сергей.

– Разломать вагон, чтобы укрепить стенки... – предложил Саша. – Бывало ведь, люди из тюрем подкопы делали.

– Бетон кругом. Обломки большие. Ты же видишь, это не грунт, это завал. И неизвестно, что сверху.

– Может, в другом месте попробуем? – спросил Саша.

– А что толку! – махнул рукой Сергей. – Ежу понятно!

– Раз мы завалены, значит, и воздух не проходит? – не унимался Саша.

– Там в одном месте, вроде бы, пламя колебалось, – ответил Василич. – Я там метку поставил. Пошли глянем.

Они стояли вчетвером, едва освещённые колеблющимся пламенем зажигалки. Было не очень понятно, почему пламя колеблется. То ли от сквозняка, то ли от их затаённых дыханий, почти слитых в одно.

– Непонятно...

– Да что тут непонятного...

– Надо бы ещё по камням постучать. Может, кто услышит? – сказал Саша.

– Надо выбить «SOS»! – отозвался Сергей.

– Хоть «SOS», хоть пылесос... – тихо произнёс Алик.

Сергей взвился, как ужаленный:

– Ты! Бери камень, стучи, ты!

– Сам бэри!

– Тихо вы! – Николай Васильевич взял камень и начал бить им по огромному, косяком стоящему бетонному обломку.

Его сменил Сергей, потом Алик, потом Саша.

А потом они все четверо стояли во тьме и слушали тишину, обступившую их со всех четырёх сторон.

– Будем ещё стучать, – решил Николай Васильевич. – Будем периодически выходить и стучать.

– И ждать, пока откроют, – усмехнулся Сергей.

– Предложи что-нибудь другое, – ответил ему Василич. – Ладно. Вира помалу. Возвращаемся в вагон.

– Ты же вроде не моряк, Василич.

– Моряк, не моряк... Жаль, что я не шахтёр...

Женщина из немолодой пары

Мне всё равно, сколько это продлится. Мне всё равно – даже если я умру. Потому, что я вместе с ним. Так, как я и хотела – вместе с ним, до самой смерти!

До самой смерти!

Смерти! Смерти? Неужели... вот она, так близко... неужели это смерть?

Нет! Нет! Я не верю! Я не верю, что мы можем умереть! Умереть сейчас? Сейчас, когда мы наконец нашли друг друга? Когда я наконец нашла его... его, единственного...

Тогда, когда я совсем отчаялась и думала, что уже никогда и никого не смогу полюбить... Мне тридцать восемь... И мужиков у меня было... штук восемь, и аборт... штук пять...

И тут появился он! Я ведь могу ещё родить! Для него родить! Мальчика или девочку, всё равно... Могу, могу... могла бы...

Нет, нет! Мы не умрём! Нет!

Я думала, что не смогу полюбить больше... А смогла... Я смогла полюбить, Господи! И пробыла с ним только месяц. Он, правда, из другого города. И даже из другой страны. Из бывшей России. Ну и что? Зато он разведён, а значит, свободен.

Боже мой, разве это могло хорошо закончиться? Разве у меня могло хоть что-нибудь, хоть когда-нибудь закончиться хорошо?

Нет, конечно. Опять всё будет так, как всегда. Боже мой! Неужели всё закончится, так и не начавшись?

Господи, не отнимай его у меня! Дай нам пожить немного вместе, Господи! Дай мне родить!

Милый мой, родной мой, единственный мой! Никому не отдам, никуда не отпущу от себя! Нет! Нет!

Господи! А-а-а...

Мужчина из немолодой пары

Ишь как вцепилась в мою руку! Не отпускает! Думал ли я, что этим всё закончится? Мне прописка нужна, всего лишь прописка, регистрация. Фиктивный брак, со всеми удобствами. Алёна мне троих подобрала в этом районе, одиноких. С последующим разводом. Но денег-то не было, чтобы купить этот брак. Вот и пришлось дамочек одиноких подыскивать. Одна оказалась сущим крокодилом, а у второй оказался богатый ухажёр, не нам чета.

Эта оказалась самой подходящей. И втюрилась в меня, бедная, по самые уши. Еле устоял, под таким-то напором. Нет, мне её даже жалко, честное слово.

Жалко. Я даже думал... может, пора мне остановиться? И остаться с ней?

Может быть, мне надо остаться с ней? Ведь как влюбилась, а?

Но Алёна... Алёна как женщина интереснее гораздо. И в постели, и так. И вообще... Какой из меня благоверный муж? Ведь носило меня, как осенний листок... по жизни носило... Никак осесть не мог. И сейчас... еле-еле выдержал этот месяц.

Нет, жалко мне её... Ишь как вцепилась!

Какого чёрта потащила меня к тётке своей? Вот тебе и

выехали пораньше! «У меня никого больше не осталось! Вот съездим – и пойдём заявление подавать. Считай, что это я тебя представляю своей семье!»

Представила! А вдруг и правда... не выберемся? Нет! Нет!

А если?

Хочешь не хочешь, а придётся остаться с ней. Так и остаться, прямо здесь. А что? Человек предполагает, а Бог располагает. Может быть, и лучше для нас обоих, если всё закончится прямо здесь?

Что, так и помереть? Здесь? С ней? Ну и ну! Как это мы в детстве писали на стенках? «Саша + Маша = любовь до гроба». Точно!

Вот и у меня так получится. Допрыгался! Любовь до гроба, что ли? Любовь до гроба...

Вот она какая, любовь до гроба. Сейчас за руку возьму её...

– Что ты сказал, Паша?

– Что?

– Мне показалось, ты сказал: «Любовь до гроба».

– Нет, милая.

– Мы не умрём, Паша? Скажи, мы не умрём?

– Нет, Надюша. Нет. Мы будем жить вечно.

– Нет, я не хочу жить вечно. Я хочу прожить с тобой лет двадцать... или тридцать. Нет, двадцати хватит. Как раз...

– Почему?

– Сыну будет двадцать лет. Он будет уже взрослым...

– Ты что? Ты беременна, что ли?

– Я не знаю, Паша. Мы только месяц живём. Мне кажется. Мне хочется, Паша. Я ведь... ещё не очень старая, правда?

– Ты – самая молодая, для меня.

– Мы не умрём?

– Нет.

В это время стоны наркомана усилились. Женщина в платке поднялась со своего места и в тусклом свете мобильника перебралась к лавке наркомана. Она присела на лавку, со стороны наркоманской головы, и прикоснулась к спутанным наркоманским волосам.

– Как ты?

– Как, как! Хреново, вот как, э-э-э!

– Да хоть не матерись ты! Люди же кругом! Как тебя зовут?

– А что люди?

– Люди как люди. Люди смотрят, люди видят. Люди слушают.

– Какое мне дело до людей? Мне надо, понимаете?! Надо мне, а то я тут загнусь. Ещё пару часов, и я загнусь на...

– Может, тебе можно помочь как-то? Как зовут-то тебя?

Пить хочешь?

– Зовут? Антон. Какая вам разница? А пить? Хочу пить.

Хочу, хочу!

– У кого есть вода? – спросила женщина слабо мерцающую тьму. – Человеку плохо.

– Мамо, у вас же есть минералка! Я ж вам в дорогу складывала!

– Та темно ж, Галю! Зараз!

– Подождите, подождите! – раздался голос мужчины из немолодой пары. Голос Паши, Павла. – Подождите с водой! Неизвестно, сколько мы будем тут сидеть! Нам надо вообще посмотреть, что у кого в сумках есть. Сколько у нас продуктов и сколько воды. Может, у нас есть больные... или беременные...

– Правильно! – поддержал Пашу адвокат. – Никто не виноват, что он наркоман. Он сейчас всю воду выхлебает, а мы...

– Что – мы? Что – мы? – спросила девушка из молодой

парочки.

– А мы... мы скоро будем... от голода погибаться. Или от жажды! Или от нехватки воздуха! – ответил её парень. – Интересно, кто первый.

– Может, и ты! – сказал адвокат.

– А может, и ты! – отпарировал парень. – А кто беременный?

– Не твоё дело!

– Нет! Нас спасут!

– Может, спасут, а может, и не спасут!

– Ой лышенько! – заголосила тёща.

– А-а-а! – почти завизжала девушка из молодой парочки.

– Зачем я влез в это метро?! О-о-о! – закричал адвокат. Кажется, до него начала доходить серьёзность создавшегося положения.

Снова поднялся общий стон и общий вой. Люди кричали, вопили, стонали. Липкий и противный, почти ощутимый страх пополз в темноте, из углов подбираясь к тусклому свету мобильного. Вспыхнула зажигалка. В мерцающем свете прыгали уродливые тени.

– Тихо! Тихо! Замолчите все, наконец! – старался перекричать всех доктор, но у него это плохо получалось. – Давайте подождём, пока наши мужчины вернутся!

Стало тише.

– Пить! Пить! – в наступившей тишине продолжал настаивать наркоман.

– Потерпи. Потерпи, сынок. Я посижу с тобой. Меня Наталья Сергеевна зовут. Очень легко запомнить, – тихонько приговаривала наркоману женщина в платке. – Даст Бог, всё образуется. Я посижу с тобой да помолюсь за тебя. Потерпи, потерпи!

– А толку-то?

– В чём?

– Молиться за меня. Я пропащий давно. А ломку – её никакой молитвой не остановишь. А-а-а...

– А ты, Антон, не думай ни о каком толке. Ты терпи, а я буду молиться. За тебя. Бог – он всё видит и всё знает. Будет толк или не будет толка. Он от Бога, всякий толк. И вообще... если ты захочешь, я тебе адрес православного центра дам... при храме. Там помогают таким, как ты.

– И что, люди завязывают?

– Да, поверь. Правда.

– Не может быть.

– Может. Нет для Бога ничего невозможного.

– Правильно! Вот-вот! Хороша парочка! Наркоман и богомолка! Мракобесия тут только не хватало! Давай, давай, сюсюкай над ним, над этой падалью! – Солидного мужика явно задевало всё происходящее. Помимо ситуации его задевали ещё и люди.

– Ну и злой же ты, дядя! Интересно, где ты работаешь? И вообще, откуда ты такой взялся? – заступился за наркомана парень из молодой парочки.

– Правильно, Макс! – одобрила его подружка. – Ишь какой... чувак голимый...

– Я не взялся! Я москвич, коренной! А вот ты откуда взялся? И не только ты!

– Мы все взяли из одного места, – сказал доктор. – Успокойтесь же вы, наконец. Нас всех мама родила. Ну а если даже смерть нам угрожает... разве не нужно оставаться людьми? Коренной, не коренной...

– Перед Богом мы все равны, – поддержала доктора Наталья Сергеевна.

– Перед Богом, может, и равны. А на земле – вы меня извините! Вы ещё скажите, что вы с бомжом равны! Нет, может, вы и равны, а вот я – увольте, пожалуйста.

– Для смерти мы тоже все равны, – добавил доктор.

– Доченька моя! – очнулась и подала голос Лида. – Доченька моя! А как там, наверху? Что произошло? Может, оно там тоже... произошло? И там, наверху, уже ничего нет?

– На нас сбросили бомбу... А может, и не одну. А может, и ядерную, – предположил молодой парень, Макс. – И мы последние, кто остался в живых. На всей земле. Не слабо, а?

– А-а-а!

Молодой парень

Нет, такого не может быть, чтобы мы остались последними... Нет! Как хочется вылезти отсюда! Мы выберемся. Конечно, выберемся! Нас спасут! Спасут!

А вдруг – правда? Вдруг это правда, что мы последние на земле? И мы со Светкой, как новые Адам и Ева, должны начать род человеческий! И правда, Светка – единственная тут... единственная, кто мог... кто могла бы ещё родить... то есть продлить его, этот самый род человеческий.

А эти две, что помоложе? В смысле, женщины, что помоложе остальных. Нет, ну одна – ещё ничего... А вторая – страшная, и космы торчат. Ничего себе альтернативочка...

А вот мужиков много... Да, предстоят жестокие схватки самцов!

Хотя Светка – это тоже чудо такое! Для секса, на пару недель. Повалиться на диване, покурить травки. Какая из неё родоначальница человечества? Да она же только и умеет, что... Только и знает, что... Хотя она неплохо это делает. А за институт платят предки. Деньги есть у предков, и это приятный факт. Но в такой ситуации этот факт совершенно бесполезен. Родить... родить же надо! Как она родит, если она противозачаточные таблетки жрёт на завтрак, на обед и на ужин?! Тоже мне Ева!

Да что мне до неё? Я же собрался завязывать с ней. Надоела, хуже горькой редьки надоела она мне уже со своей простотой! Макс, Макс! Только и терпел в последнее время, потому что бабки у неё... Всё-таки я гад...

Но если уже не будет никого... тогда она, и только она. Б-р-р-р!

Какая ерунда лезет в голову!

Нет, ну а вдруг?

Если это и вправду бомба, то мы не выйдем отсюда. Никогда не выйдем. Сначала вода закончится, потом еда. А потом воздух.

А вдруг? Даже подумать страшно! Предположим, воздух откуда-то будет идти, а еда закончится...

«Волки от испуга скушали друг друга».

Так, что ли? Нет, не стоит думать об этом. А то я начну думать, как съем этого жирного и противного мужика. Несмотря на запах его крутого одеколона. Тьфу, тьфу!

25

Света

Ну надо же, как мы попали! Вот это да! Даже в метро я застряла, и то с Максом! Ишь лезет лапами своими! За две недели уже надоедать стало. Надоело!

Нет, ну ладно, пусть лезет...

Правильно Танька говорила, что надо с ним завязывать!

Ну что с него взять, с этого Макса? Секс? Тоже мне, эка невидаль! Надоело! А денег у него нет. Ни на кафе, ни на клуб. Всё я плачу. Надоело! Вот Святослав Сергеевич – это мужик! У него и с первым всё в порядке, и со вторым. То есть с деньгами.

Святослав Сергеевич – классный мужик. Он мне уже давно намекает. Правда, я ещё с такими не была... чтобы намного старше меня...

А машина у него какая! Не слабее, чем у отца. Ну да, он и по возрасту почти такой же, как отец. Ну и что? Уж точно он бы мне не позволил ездить в метро!

Что это я? Размечталась, а сама тут сижу, камнями заваленная. Ой! Ой, мамочка! Да что же это случилось, а? Что же это произошло?

И почему со мной? Почему это я тут оказалась, а? Это тебе не теракт в телевизоре...

Господи, только бы нас спасли, только бы вытащили отсю-

да! Я больше в это метро шага не сделаю! И с Максом завяжу, сразу же завяжу, как только мы вылезем из этой ямы!

Я в это метро никогда больше не спущусь, никогда!

Неужели мы не выберемся?

Нет! Я не собираюсь тут сидеть! Я не хочу! Не буду! Не буду! Не хочу! Вытащите меня отсюда! Вытащите! Мама!

Мама! А-а-а!

– Мама! – закричала Света, девушка из молодой парочки, которая уже давно перестала целоваться. – Мама!

Света забилась в истерическом плаче, притопывая при этом ногами и всхлипывая в голос, как избалованный ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку.

– Света! Перестань, Светик!

Парень наклонился над ней, пытался обнять, остановить этот внезапно начавшийся приступ.

– Нас спасут, Светик! Не плачь, престань. Вот увидишь, нас спасут...

– Да пошёл ты! – Сквозь всхлипывания голос Светы звучал приглушённо и срывался. – Никто нас не спасёт! У-у-у! Никому мы не нужны! И я никому не нужна! И мне ничего не нужно, и никто мне не нужен! У-у-у!

– Светик, перестань!

Неизвестно, сколько бы продолжался этот припадок, если бы его не прервали мужчины, которые начали подниматься в раскрытые двери вагона. Они поднимались по одному, помогая друг другу. Последнего, что назвался Сашей, втянули в вагон за руки.

Светик притихла. Даже наркоман перестал метаться и стонать.

– Ну, что там?

– Да что...

– Выход есть?

– А другие вагоны?

– Ничего утешительного, – сказал Николай Васильевич, бывший военный.

– Нэт выхода! Нэт! – почти выкрикнул азербайджанец. – Господи! Как же это?

– А-а-а! О-о-о!

– Подождите! Не вопите вы все в один голос! – Командирский голос Николая Васильевича перекрыл общий шум. – Не всё так страшно! Там в одном месте как бы сквозняк. Воздух идёт. Так что не задохнёмся...

– Или задохнёмся, но не сразу, – уточнил адвокат.

– Да не каркайте вы!

– Он прав, – продолжал Николай Васильевич. – Надо смотреть правде в глаза. Если и задохнёмся, то не сразу. У нас есть немного времени, чтобы побороться. Более того...

– Что?

– Более того, в одном месте по стене сочится вода. Немного, но сочится. Так что и от жажды мы не умрём сразу. Надо найти ёмкость какую-нибудь и подставить под струю.

– Так она же грязная, эта вода!

– Предложи что-нибудь другое!

– А другие вагоны? – настаивал парень в инвалидной коляске, который до этого вёл себя тихо и в общие разговоры не вступал.

– Нет связи, – ответил ему Сергей, тёщин зять. – Видимо, нас оторвало от состава и место отрыва камнями засыпано.

– И оттуда... не слышно ничего? Может... стоны какие-нибудь?

– Нет, ничего. Ничего.

– А места там много?

– Где?

– Ну... вокруг вагона...

– Наш вагон лежит на стене тоннеля. И засыпан – почти наполовину. А с другой стороны место есть. Там, где вода течёт по стене. И спереди есть место, со стороны дверей.

– Не густо...

– Да.

Все замолкли на мгновение.

– Вот что я ещё скажу... – Николай Васильевич помедлил. – Раз уж мы остались в живых и собираемся выживать... давайте перестанем вопить, и рыдать, и дёргаться. В первую очередь.

– Да, – поддержал Василича доктор, – от крика только большая трата кислорода.

– На всё Божья воля, – сказала Наталья Сергеевна.

– Что-то уж очень крутая воля, – отозвался Макс.

– Иди поменяй, – предложил Саша. – Кассационную жалобу напиши.

– Хватит вам! – Николай Васильевич подвинулся на своей лавке. – Давайте выложим всё, что у нас есть съестного,

и воду всю, у кого есть. Всё сложим в одно место... хоть вот сюда, на лавку. И как-то будем делить. Может, кружка у кого есть, или чашка. Или ложка, в конце концов. Хотя без ложки можно было бы и обойтись. А вот нож бы не помешал. Давайте всё сюда, пока фонарик не сел окончательно. Да... и курево, ребята. Кто курит, давайте курево сложим.

– Значить, це йижа наша, а мы довжны ейи витдать? – Тёще определённо жаль было сала, заботливо приготовленного в дорогу. И не только сала. И курица жареная тоже была. Полкурицы. И немного варёной картошки, и пара солёеньких огурчиков. И несколько варёных яиц. Как же иначе, в дорогу-то!

Тёща схватилась было за сумку, но Сергей, зять её, тоже взялся за сумку, и хватка его была ничуть не слабее.

– Позвольте...

– Ой лышенько! – только и могла сказать тёща вслед сумке и вслед своим последним надеждам.

А Сергей открыл сумку и выложил на лавку и сало, и полкурицы, и всё остальное, включая двухлитровую бутылку минералки. Из своего же кармана он достал начатую пачку сигарет и тоже положил её на лавку.

– Мы должны понять, что нам следует выживать вместе, – заявил Николай Васильевич, конкретно ни к кому не обращаясь и вытаскивая из своего портфеля тот самый обед, который на два дня. Две банки борща и две ёмкости со вторым. Батон и кусок колбасы в полиэтиленовом пакете.

И добавил:

– А курить я бросил, ребята.

– Нам не на кого надеяться, только на Бога, – настаивала на своём Наталья Сергеевна, женщина в платке.

– Уж очень надежда такая... ненадёжная, – заметил Павел. – У нас ничего нет, в смысле продуктов нет. Мы не ку-рим, слава Богу. Но и надежды – тоже у нас нет. Кроме тебя, Надюша.

Павел обнял подругу.

– Почему же нет? – возразила Наталья Сергеевна. – Есть надежда. Самая что ни на есть, самая надёжная надежда. Всё самое хорошее, всё самое сильное, что у нас есть, мы долж-ны... как бы в кулак собрать и делать всё как надо. И мо-литься. А дальше – только на Бога надежда, только на Бога. Мы ведь даже не знаем, что случилось. Это только мы... так, или это весь мир так... потрянуло. Господи, помилуй!

– Ну, тётка, умеешь обнадёжить! Сразу удавиться хочет-ся! – воскликнул Макс.

– Да, не слабо, – согласилась его подружка.

Наталья Сергеевна не удостоила их ответом. Она вытащи-ла из сумки свёрток с бутербродами и маленькую бутылочку сока.

– Вот, думала, после причастия... перекусить. Так и не удалось мне причаститься сегодня.

– Мало ли что кому сегодня не удалось, – сказал мужик, назвавшийся Сашей. – У меня ничего нет.

27

Саша

Откуда у меня может быть что-нибудь? Только откинулся. К одному корешу сунулся, к другому сунулся. Нигде не нужен. Кто помер, кто спился. А молодые... Нет, к молодым прибиваться не хочу! Да и не нужен я им... только чтобы подставить меня. Для этого, может, и сгодился бы.

Здоровья нет. Язва донимает.

И вообще ничего нет. Ничего нет. Такое чувство, что и меня самого давно уже и нигде нет.

Теперь вот к Васе ехал. Вася – он меня обещал пристроить. По телефону обещал. И на хату взять, и всё такое. На первое время. А то я уже отчаялся. Совсем отчаялся.

И надо же мне было застрять здесь! Из неволи – да опять в яму... Тут и вышка может обломиться, неожиданно-негаданно.

Ну и судьба, ёлки-палки, ну и судьба... Ни кола ни двора, и подохнуть в яме, на... никому не нужным, как всегда.

Честно говоря, я уже думал об этом... ну о том, что нечего мне здесь делать. Здесь, на этом свете. Жить как они... вот эти... так жить я не могу. И на зону я не хочу! Не хочу я обратно на зону!

Нет! Нет!

До того как дозвонился Васе, даже повеситься хотел. Дурак! Даже верёвку подобрал и в карман положил.

Дурак!

А верёвка – вот она, так в кармане и осталась.

Вася, Вася! Надо мне до тебя добраться! Ты даже не знаешь, Вася, как мне надо до тебя добраться!

Ишь благородные! Разложили мобильники свои! Я уже один положил в карман, на всякий случай. Может, выберемся ещё... Надо тогда и ещё пару прихватить, на первое время, для обустройства.

Ишь, жратву раскладывают. А как есть охота! И не наелся ведь ещё, не наелся после тюремной баланды... И язва у меня. Болит, собака! На тюремных харчах – только язву лечить. А навещать меня некому. Мать померла, а жена ушла. Давно ушла, ещё по первой ходке. Сын, небось, и не помнит, как батьку зовут. Настоящего батьку, не отчима.

По правде сказать, и не был я ему отцом... подожди... а как его-то зовут? Вадим? Или нет?

Так-то, папаша. Сам дурак!

Чего это я о нём вспомнил, о сыне-то?

Неохота помирать! Вот я почему вспомнил! Господи, как помирать неохота! Хоть бы дал мне пожить, Господи, да поесть чего-нибудь... не тюремного... Может, я бы и сына повидал. Сколько ему лет сейчас?

Доктор

Вот я и опоздал на дежурство. И вообще не попаду на него. Интересно, как там они справились. Кого вызвали? Вот уж ругались, наверно! И ещё ругаются, если живы, конечно. Если все дежурства мира... разом не потеряли свой смысл...

И все главврачи мира потеряли свою призрачную власть над судьбами подчинённых... все начальники и все правительства мира потеряли свою значимость и свою власть над людьми...

В какое-то мгновение каждый человек вдруг оказался наедине сам с собой... со своей душой...

Начальник и подчинённый... врач и больной... и министр, и рядовой работяга...

И что?

Страшно, вот что. Боюсь ли я смерти? Нет. Пожалуй, нет. Я видел, как это бывает, причём видел много раз, и видел, как это бывает у детей...

Нет, я не боюсь смерти. А чего же я боюсь? Я же не верю в Бога! Вернее, я верю, но не особенно... не каждый день... и без церкви... и мне страшно...

Чего мне страшно? А того, что действительно есть Божий суд, суд праведный и нелицеприятный, причём суд не положения человека и не видимых действий его, а суд души...

Да, именно суд души. Там, где видна вся твоя душа. Вся, на просвет. Страшно! Страшно! Страшно!

Прости, Боже! Там, в душе у меня, наверняка такого наворочено...

Страшно...

Если выберемся, Боже... если выберемся... я пойду в церковь, ей-богу, пойду. Как там это... покаюсь... Надо мне... есть в чём...

– У меня тоже ничего нет, – сказал доктор. – У нас там, в больнице, буфет. Если остался, конечно. А курево... вот...

И доктор положил свои сигареты в общую кучу.

– У меня есть, – встала со своего места Лида. – Вот, дочке везла. Тут йогурты, сок... тут котлетка... икры немного... тут чашечка, ложечка...

Она не могла больше говорить. Она опять заплакала и ушла от света фонарика во тьму, на своё место.

Азербайджанцы, адвокат и молодая парочка сложили свои сигареты. После небольшой паузы сложили сигареты Саша и парень в инвалидной коляске.

– С сигаретами будем экономны, – сказал Николай Васильевич. – Воздух будем беречь. Так что терпите, как можете. И вообще... предлагаю выходить из вагона, если курить захочется. И по всем остальным нуждам тоже. Мальчики направо, девочки налево. Возражений нет?

– А как обратно забираться в вагон? – спросила Надежда.

– Втащим, не бойся, – ответил Николай Васильевич. – Всё? Больше ни у кого ничего нет? Припасов нет?

– Есть, – раздался хрип из угла, и бомж, со своей тележкой и со своим запахом, придвинулся поближе к свету фонарика.

– Ну и вонь от тебя!

– Не подходи лучше!

– Кто будет есть из торбы твоей?

– Это же надо – так опуститься человеку! И не стыдно тебе?

На секунду все отвлеклись от себя и обратили свои взоры к бомжу.

Как все оказались едины в своём возмущении! Есть ли что-нибудь на свете более безусловное, чем поругать бомжа?

– Как ты докатился до такого состояния? Не стыдно тебе?

– Стыдно мне, – сказал бомж.

А хорошо сказал! Все замолкли и расступились слегка, чтобы бомж прошёл к лавке. Кое-кто зажал нос ладонью.

– Вот, – и бомж протянул к общему столу полбутылки водки.

– Ну ты даёшь, дядя! – удивился Макс.

– Молоток! – поддержал его Сергей. – Давай, доставай, что там у тебя в сундуках припасено.

– Щас. – Бомж вытащил пачку макарон, пачку чая, едва начатую, и немного сахара в полиэтиленовом кулёчке. Потом он вытащил ложку, нож и спички. Потом он подумал немного... а может, просто немного постоял со всеми... и вытащил из кармана пачку «Примы», слегка помятую.

– Сгодится? – спросил бомж.

– Всё сгодится, – ответил Николай Васильевич. – Ну и вонь же от тебя! Давно ты так... бомжуешь?

– Да не... года три. А может, и два. А может, и пять.

– Счастливые часов не наблюдают, – вступил в общий раз-

говор Павел.

– И годов тоже не наблюдают, – добавил адвокат.

– Слышь... а тебя не Митькой зовут? – Эти членораздельные слова из уст бомжа были обращены к адвокату.

Как это ни странно.

– Ну... вообще-то... Дмитрий я... Дмитрий Ильич.

– Точно! Дмитрий Ильич, только не Ульянов. – Бомж хмыкнул и продолжал: – А я слышу твой голос... и узнал...

– Я вас... то есть тебя знать не знаю! Тоже мне, знакомый выискался!

– А ты, Митька, не в двести пятой школе учился?

– В двести пятой.

– То-то. Юрка я, Юрка Горшков. Приглядишься!

– Боже мой! Неужели?! Юрка! Горшок! Ты?! Как это ты? И в таком виде? Ты же в МГУ поступил! И после школы мы виделись, кажется... пару раз...

– Прямо передача «Жди меня»! А теперь обнимитесь, дорогие друзья одноклассники! – сказал Макс.

– Да, чего только в жизни не бывает, – вздохнул и Николай Васильевич.

– Никакие мы не друзья! И в школе друзьями не были! – горячо возразил Дмитрий Ильич, который не Ульянов.

– Нет, не были, – прохрипел и бомж. – Не были мы друзьями, никогда не были. Ты всегда мне завидовал, Митька. Всегда козни мне строил.

– Ничего я тебе не завидовал! Ты ещё скажи, что я сейчас

тебе завидую!

– Да, от тюрьмы да от сумы не зарекайся. – Надежда крепко сжала руку Павла. – Только вот не хочется, чтобы сума была... и тюрьма.

– Это точно, зарекаться нечего, – поддержал Надежду Саша.

– Вот где увиделись мы с тобой, Митька... А Ленка тогда меня выбрала... меня...

– Кого бы она сейчас выбрала? Уж, наверное, не тебя!

– А никого бы она не выбрала. Нет её уже... умерла Ленка... Может, три года назад... а может, уже и пять...

– Умерла?

– Умерла... от рака крови... от лейкоза... Муж её бросил, и она мне позвонила тогда.

– И что?

– Ничего. Я один жил, мне легко... было.

– Что легко?

– Продал всё. Квартиру, машину. Чтобы деньги на лечение добыть.

– И что?

– Что? Умерла...

– Надо понимать, с этих пор ты и бомжуешь? – спросил Николай Васильевич.

– Может, с этих, а может, и не с этих...

– А кто тебе виноват? – спросил Дмитрий Ильич.

– А я никого не виню, – ответил бомж. – Просто... случи-

лось так... живу себе...

– Это всё хорошо, – прервал диалог Николай Васильевич. – И правда, по-разному бывает. Но тебе что, элементарно... помыться не хочется? Ты сам-то чувствуешь, как ты воняешь?

– Хочется, – признался бомж. – Помыться хочется.

Потом он засуетился, неловко провёл руками по своей одежде, как будто хотел в ней что-то пригладить, и сказал глухо:

– Пойду я туда... в сторону... чтоб не вонять...

В тусклом свете сающихся батареек карманного фонарика Дмитрий Ильич не Ульянов глядел в спину бывшему однокласснику. И молчал.

Не совсем лирическое отступление № 5

Нет, ничто так не возвышает нас в собственных глазах, как вид чужого греха. Чужого падения, причём падения явного, бьющего в глаза.

Мы все единодушно ругаем бомжей!

Наконец-то мы нашли тот пункт... то положение... то свойство, в котором мы поразительно единодушны!

И при этом нам очень трудно предположить, что мы сами несём в себе многие разновидности падений. Иногда и более страшных падений, чем явное и бьющее в глаза падение бомжа. Или вора, или проститутки.

И никто из нас не думает о том, что, возможно, наше собственное скрытое падение уже разъело нашу душу.

Так разъело, что душа наша имеет отвратительный, едва переносимый вид и издаёт такой запах... покруче, чем запах, идущий от бомжа.

Покруче, посильнее того запаха, который бомж издаёт наяву.

Правда, то, что видно с небес, до времени скрыто от нас. И как же нам быть? Как это увидеть? Как распознать?

Честно говоря, нам предоставлена эта возможность, пока

мы здесь, на этом свете. Нам предоставлена возможность самим во всём разобраться.

Нам предоставлена возможность, пока мы живы, самим понять, кто есть кто.

И что есть что.

Где взлёт, где падение.

Где падение явное, а где – скрытое.

Но кто из нас положит руку на сердце скажет, что использовал в этой жизни все данные ему от рождения возможности?

Никто, конечно, никто.

Дай нам Бог использовать хотя бы половину!

«Ленка... первая любовь, – думал Дмитрий Ильич. – Конечно, я был влюблён. Но по-детски, как мальчишка. И Горшков тоже был влюблён в неё, в эту Ленку. Как я сейчас понимаю, ничего особенного в ней не было. Так себе... девчонка как девчонка, каких тысячи. Она со мной целовалась, потом с ним. А потом опять со мной. А мы-то с Горшком как соперничали! Как два барана бодались! Дрались даже! – Дмитрий Ильич откинулся на спинку сиденья. – И всё-таки Ленка осталась с Горшком, это правда. А я и сам уже не хотел с ней гулять. Или хотел? Хотел, хотел... да... но вот так, как Горшок... через столько лет... всё продать, чтобы купить ей лекарства... нет! Да он всегда был чуть-чуть с приветом, этот Горшок! А если бы она мне позвонила? Что бы я сделал? А ничего! Посочувствовал бы... по телефону... Нет, может, я бы поискал хороших врачей... Хотя какие тут врачи помогут...»

Дмитрий Ильич почувствовал что-то такое... что-то кольнуло его прямо в сердце. То ли жалость к своей первой любви, то ли обида, что предпочли не его, а товарища... и, как выясняется, не ошиблась.

В общем, что-то такое вроде обиды... ущемлённого самолюбия... а может, даже и что-то вроде совести... вроде боли...

Даже чувство превосходства над опустившимся бомжом не могло пересилить этой боли. Дмитрий Ильич потер рукой левую сторону груди.

«Ерунда всё это, – подумал он через мгновение. – Какая ерунда!»

А сердце из-под руки стучало ему: «Не-е-рунда, не-ерунда, не-е-рунда...»

«Наваждение!» – подумал Дмитрий Ильич.

– Еду-то... будем делить? – спросил Саша.

– И воды дайте больному, – продолжала настаивать Наталья Сергеевна.

– Он не больной, а дурной, – возразила Галя, жена Сергея.

– Какой бы ни был. Он страдает.

– Мы все здесь не на пляже лежим. И неизвестно, долго ли нам здесь находиться. Вот для него пусть и будет та вода, сколько он хочет! – Дмитрий Ильич ещё не полностью освободился от своего наваждения и вступил в разговор, отчасти чтобы отвлечься от внутреннего смятения.

– Какая – «та»?

– Та, что по стенке течёт, в тоннеле.

– Подождите, ещё нам всем придётся её пить.

– Я не стану её пить.

– Не дай Бог нам всем её пить. Давайте тогда по общему согласию. Кто за то, чтобы больному выделить лишнюю кружку воды? Ведь он умереть может. Прямо тут, на лавке. Люди мы или нет?

– Помирать-то никому неохота. Он первый, а мы все – за ним.

– Тогда и беременным по лишней кружке, – предложил Павел.

– А кто беременный?

– Надя...

– И я беременная! – Света показала на свой живот и выпятила его. – Скажи, Макс!

– Угу... – подтвердил Макс.

«Ну даёт! Быстро сориентировалась», – подумал он при этом.

Макс даже не успел сообразить, что произошло. Но идти на попятный уже поздно.

– Что-то много тут беременных, на один-то вагон. А ты, Галя, чего молчишь? – Сергей подтолкнул жену в бок.

– Я, – тихо произнесла Галя. – Я беременная, на пятом месяце уже.

– Ой лышенько, лышенько! Галю! Да як же ж так? – запричитала тёща.

– Так, мамо.

– Итак, четыре кружки воды, если считать нашего героя. Давайте хоть по полкружки, что ли. – Николай Васильевич скорбно смотрел на единственную двухлитровую бутылку минералки.

– Есть кто-нибудь хочет? Так чтобы сильно. – спросил он.

– Я, – отозвался Саша. – Аж кишки прилипли к позво-

ночнику.

– Я, – призналась и Света. – Я и Макс.

– Я могу потерпеть.

– Хорошо. Давайте потерпим ещё часок.

– А сколько мы уже здесь сидим?

– Три часа.

– Господи боже мой! Три часа!

– А как там та женщина, что вырубилась? А, доктор?

– Стабильно. Пульс нормальный, а в сознание не приходит.

– Дайте воды больному! – не унималась Наталья Сергеевна. – Посмотрите, как он корчится.

– Ладно, давайте дадим... Вот этой маленькой кружечкой будем мерить. – Николай Васильевич взял бутылку минералки.

– А по какому праву вы тут распоряжаетесь? – спросил Дмитрий Ильич. – Вас что, выбирал кто-то?

– Помолчал бы ты, дядя, – заступился за наркомана Макс. – Тебя бы всухую поломало.

– Я думаю, все согласны, что товарищ подполковник будет за старшего? – спросил Сергей, обращаясь к тёмным углам вагона и к бледным лицам, едва отсвечивающим то в слабом луче фонарика, то в тусклом свете мобильного телефона.

– Пусть будет, – согласился доктор. – Кто-то же должен...

– Кто против?

– Господи, они и тут не могут без общего собрания, – про-

ворчал Дмитрий Ильич.

– А чего же вы руку «против» не поднимаете? Вы же против! – ответил ему Павел.

– Не считаю нужным!

– Тогда нечего и болтать!

– Давай, Василич, командуй. Раз решил наливать, то наливай. Все за, – подытожил Сергей.

– Пойдите, пойдите! Наливай! – Бутылка застыла в воздухе. Николай Васильевич хлопнул себя ладонью по лбу. – Слышь, доктор! А, может, ему того... пару по сто налить? Может, ему полегчает?

– Не думаю. Может, на какое-то время...

– Правильно! – вступил в разговор Макс. – Полегчает ему.

– Может быть, у кого-нибудь в сумке... снотворное какое-нибудь есть? – спросил доктор.

– Есть! У меня есть реланиум, – отозвалась Лида. – Я там, в больнице, спать не могу. Совершенно. Правда, у меня не много осталось. Таблетки три. Вот... четыре таблетки.

– Давайте! Сейчас мы ему сделаем коктейль. Как вас...

– Наталья Сергеевна.

– Возьмите вот, Наталья Сергеевна. Пусть водки выпьет, да залпом. Если не поможет, потом добавим ещё. Сначала две таблетки, потом водку.

В бутылке ещё осталось немного водки. Василич заботливо закрутил крышечку и спрятал бутылку в недра своей сумки.

Наталья Сергеевна влила Антону, то есть наркоману, в рот всё содержимое чашки. Почти силой. Наркоман дёрнулся пару раз. Его снова тошнило, но рвоты не было. Водка удержалась. Таблетки тоже.

– Запить, – попросил он.

Николай Васильевич налил полкружки воды.

– Держите.

Все молча провожали взглядами сначала водку, а потом воду.

Вода... жизнь...

М-да...

– Теперь нам воду давайте! – сказала Света. – Наливайте беременным!

– Может, хоть по полкружки?

– Ладно, по полкружки.

Вода была налита и выпита.

«Хоть бы поделилась! – подумал Макс. – Беременная, тоже мне! Разве что пьяного ёжика родит».

Грустные размышления нахлынули на Макса. А с кем поделишься?

Не с кем...

Бомж

Надо же, Митьку встретил... он меня не узнал... а чё... я сам себя не узнаю... я себя забыл... меня уже нет... почти нет меня... зачем я, дурак, отдал водку... как выпить охота... спать не могу... темно, а спать не могу... зачем я дурак, отдал им водку?

...От меня воняет... воняет, а я не слышу... привык... мне нет до них дела... ни до кого... ни до Митьки... ни до кого... ни до Лены... Лена... Лена... нет, мне ни до кого нет дела, ни до кого... сейчас до Кольцевой доеду и там отосплюсь... отосплюсь... в тепле...

...А как я до Кольцевой доеду? Мы же стоим... стоим, стоим... а я, дурак, отдал водку... зачем я им отдал водку...

...Митька... Лена... Лена... зачем ты бросила меня одного? Меня уже нет, Лена... Тот, кто сидит здесь – это не я, Лена... Водки! Это не я хочу водки, это он хочет водки! Он! Водки! Лена! Я не могу думать, Лена... я не могу быть собой, Лена...

...Я сам виноват, Лена... можно было удержаться, Лена... но так трудно было без тебя, Лена... я потерял тебя, Лена... я потерял тебя... себя...

...Как я давно уже не думал о тебе, Лена... Как я давно уже не думал о себе... Как я давно уже не думал... вообще...

Митьку встретил...

...Митька... он завидовал мне... А я? А я гордился... перегордился я... Лена! Скажи мне что-нибудь! Только не говори, что я пададь, пададь последняя... Что я подонок... подонок... тот, что на дне... около дна... по дну...

...Лена, прости... прости, что я по-донок. Водки-и-и-и...

– Давайте, мужики, кто на выход... кто прогуляться хочет? Да заодно и чашку надо попробовать подставить туда, где вода сочится.

– И перекурить.

– Кто может, потерпите... пока.

Николай Васильевич подошёл к дверному проёму и встал около него.

Мужчины стали прыгать вниз, один за другим.

– А ты как, братан? – спросил Сергей. – Тебя как звать-то?

– Толик. У меня всё в норме. Приспособлено всё. Я потом... скажу, когда надо будет...

– А то давай. Я тебя на спину... Тебя где ранило-то? В каком году?

– Я...

– Чего молчишь?

– Я...

– Да горбатого он тебе лепит, ты что, не видишь? – сказал Саша, спрыгивая во тьму тоннеля. – Он такой же чеченец, как и я.

– Обманиваешь? – Сергей наклонился над коляской.

– Извини... не был я в ней, в Чечне этой... извини...

– Эх ты! – Сергей вдохнул воздух и некоторое время стоял молча, не в силах произнести ни слова. Негодование душило

его.

– Сволочь ты, вот ты кто! Спекулируешь, значит! Люди там жизни свои положили, а ты деньги шибаешь под это дело! Ах ты...

– Я...

– Да если бы ты не на коляске ездил, я бы вмазал тебе... чтобы тебе Москва Чечнёй показалась, сволочь!

– Прости...

– А где же тебе ноги... оторвало? – спросила Лида, чтобы немного разрядить обстановку. – Почему ты без ног?

– Да с пацанами... по дури... на электричках катались... Вот я и упал... неудачно.

Толик сидел на своей помятой инвалидной коляске и размазывал слёзы по щекам.

– Эх! – сказал Сергей и прыгнул во тьму.

А Толик всё плакал, плакал. Всхлипывал.

– Да ты бы лучше так и говорил, когда просишь, – неожиданно сказала Лида. Неожиданно, потому что до этого она почти всё время молчала. Или сама плакала.

– Да я как-то боялся...

– Правда – она всегда лучше. – Лида подошла к Толику и вдруг погладила его по голове. – Может, тебе бы и подали больше. Люди бы пожалели тебя, как мальчишку-дурака. А то все в герои метят. Даже нищие...

– Это точно. Мы боимся правды, – поддержала её Наталья Сергеевна. – Чтобы говорить правду или жить по правде,

надо большую смелость иметь.

— Кому она нужна, ваша правда? — фыркнула Света. — Там, где нам хорошо — там и правда. Где выгоднее — там и правда!

— Это до поры до времени, девочка.

— На мой век хватит!

— А ты-то знаешь, сколько его, твоего веку? Может, он уже заканчивается, твой век? А? И ты хочешь вот так, без правды, и закончить его? И какая тебе выгода может быть здесь, где мы все... равны? Равны пред этим тоннелем, как перед Богом.

— Ни, — встряла тёща. — Ни, нэ равни.

— Пока не равны. Пока беременным на кружку чистой воды больше, — сказала Галя.

— А, это... — Наталья Сергеевна поправила платок. — Так эта привилегия, девушки, быстро закончится... А что, Толик, нельзя тебе так жить, чтоб не побираться по вагонам? А?

— А как? Я из деревни. Из-под Рязани. Мать одна. Хорошо, что добрые люди надоумили сюда приехать. Пристроили... — всхлипнул Толик. — Я матери собираю... откладываю понемногу... хочу поехать матери денег отвезти...

— И что, на всю жизнь... так? По вагонам милостыню просить? Пока молод — ещё ничего. А дальше? — спросила Лида.

— Дальше...

— А будет ли оно, дальше-то? — Наталья Сергеевна вздохнула. — Как в Евангелии сказано: «В чём застану, в том и су-

дить буду». Вот и застал. Всех нас так... Каждого. И меня, и тебя, и его. И этого вот страдальца. – Наталья Сергеевна показала рукой на Антона. Потом тихо сказала:

– А где теперь те люди, что ехали в предпоследнем вагоне? Да и в остальных вагонах...

– Их тоже... застали уже... – ответила Лида.

Наталья Сергеевна опустила руку и погладила Антона по спутанным вихрам. Впрочем, этого никто не заметил.

А если и заметил, что с того?

– Как там в остальных вагонах – не знаю, а этот ваш «страдалец» сам виноват, – сказала Света. – Нечего было колотиться. Курил бы себе потихоньку. И кайф, и привыкания нет.

– Есть привыкание. Это ложь, что привыкания нет. А насчёт вины, так мы все сами виноваты. Какую жизнь мы жили, какую успели прожить. Его грех явный, всем виден. А наши грехи скрытно в нас сидят. И, может быть, они не меньше, чем у него.

– Ну это вы загнули!

– Не загнула, а так оно и есть. Не оправдается перед Богом ни один живущий.

– Это почему?

– А потому, что мы не чувствуем своих грехов. Кажется нам, что мы высоко поднимаемся, а на самом деле – не видим, как катимся в пропасть. Врём, ненавидим друг друга. Жадные, злые, блудные. А потом ещё врём сами себе, что всё у нас в порядке. И гордимся своим враньём. Я уж про

пьянство да про наркоманию и не говорю.

– И что делать? – спросил Толик.

– Покаяться надо... В том хотя бы, в чём совесть укоряет. Во вранье. В ненависти, в злости. У кого что больше болит. В блуде, например. Ну и прожить, сколько нам осталось... по-божески прожить.

– Это как?

– Как? Да хоть без вранья, милый... без вранья...

– Надоели ваши проповеди! – отмахнулась Света. – Кому какое дело, как я живу? На себя сначала посмотрите, а потом читайте проповеди! Сами небось...

Она не успела договорить.

Дёрнулись двери, и мужчины начали возвращаться, помогая друг другу залезть в вагон. Запахло табачным дымом. Последним втащили бомжа, он мелкими шажками проследовал к своему углу вагона и там затих.

Мужчины снова стучали камнями по обломкам тоннеля. Но результат оставался тем же.

Никакого результата.

Затем в тоннель начали спускаться женщины. Потихоньку, с помощью мужчин. Фонарик взяла Наталья Сергеевна.

– Идите направо, – сказал Василич. – Слева вода подтекает.

– Жрать охота, – вздохнул Саша, когда женщины покинули помещение.

– Потерпи. Женщины вернутся, тогда с этим и разберёмся. Долго человек может без пищи прожить? А, доктор?

– Дней сорок, если пить. И если ещё... всякие факторы, в том числе и моральные.

– Да... если очень хочется жить, то можно терпеть, – заключил Павел.

– Как мы цепляемся за жизнь, когда чувствуем, что она... закончиться может, – медленно протянул доктор. – А вот когда живём, то так её ругаем, эту жизнь. И то нам не так, и это не так...

– Да... На войне совсем по-другому. Там смерть на каждом шагу. И всё лишнее как бы уходит в сторону. На своей шкуре испытал, – сказал Сергей.

– Это так, – поддержал Николай Васильевич. – На войне как на войне. Только нашему человеку обязательно надо войну, чтобы он не забывал, что он человек.

– То, что с нами произошло, покруче войны. – Макс подошёл к говорившим и сел на пол, откинув голову на лавку и вытянув ноги.

– Может, и покруче, – согласился Павел.

– Как знать, как знать, – вздохнул Николай Васильевич. – Где и рядом с кем придётся умирать – вот боевое братство. А у нас... Разве могли мы предположить, где и с кем рядом будем умирать? Так-то... Не знаю я тебя. Как я с тобой последнюю затыжку делить буду?

– Вы же не курите.

– Какая разница?

Николай Васильевич посмотрел на Макса, как будто и вправду что-то делил с ним. Долго так, протяжно посмотрел.

Макс опустил голову. Зато Василича поддержал Сергей:

– Да, последнюю затыжку делить – это не просто так. С этим, что ли, делить, который ноги на Чеченской войне потерял? Сволочь! – Сергей сплюнул в сторону инвалидного кресла.

– Прости, – почти прошептал Толик.

– Или, ёлки-палки, с этими... кавказской национально-

сти? Да я в Чечне...

– Ты что-то разошёлся, Серёга, – попытался остановить Сергея Николай Васильевич.

– А какая у вас национальность, Алик? – спросил Павел.

– Азербайджанцы мы, – ответил Алик. – Мы не воевали в Чечне.

– Вы все не воевали! Утром не воевали, а ночью воевали! Как стемнеет, так автомат в руки – и неверных крошить! Так или нет? – Сергей потирал руки. Было такое впечатление, что у него чесались кулаки.

– Говори что хочешь! – Алик блеснул глазами.

– Да уж, тут последнюю затяжку делить сложно, – заключил доктор.

– А я вообще ни с кем не собираюсь ничего делить, – сказал Дмитрий Ильич. – Я и умирать не собираюсь. Я надеюсь, что нас спасут.

– Надежда умирает последней. – Николай Васильевич усмехнулся. – Последней – сразу после последней затяжки.

– Ну ладно, – не унимался Сергей, – в Чечне вы не воевали. А что вы делали, когда мы воевали в Чечне? Вы у нас тут, под самым носом... свою вели войну. Подлую войну, партизанскую. Захватили рынки, захватили магазины. Чиновников продажных подкупили, а непродажных убрали.

– Это точно, – вставил Николай Василич.

– Я вернулся – а всё уже захвачено. Город мой захвачен, вами захвачен. Куплен и поделён. Армянская группиров-

ка, азербайджанская группировка. Чеченская группировка, чёрт возьми! Что произошло, Василич? А? Я в Чечне воюю, а чеченская группировка покупает мою страну!

– Да... А молодых, дураков этих, тоже купили. Кого на секс, а кого и просто на иглу подсадили. Чтобы глаза их ничего не видели, а уши ничего не слышали, – сказал Василич.

– Кроме попсы, – усмехнулся Сергей.

– Скажите ещё, что нас купили на попсу, – возмутился Макс.

– И на попсу тоже. И на рэп, и на тяжёлый рок... и на прочее... Выше бери. На сникерс нас купили, – сказал доктор и обратился к Максусу с вопросом: – А ты сам-то где учишься?

– В институте. Изучаю бизнес, – ответил Макс.

– Ну-ну, изучай. А если изучаешь, то не можешь не знать, что такое управление массовым сознанием. Что такое формирование мировоззрения, в конце концов, и как оно происходит, – как-то грустно сказал доктор.

– Я на втором курсе. Мы ещё такого не проходили.

– Не проходили... А что вы вообще проходили?! И почём нынче зачёты? Экзамены почём? А? Небось за бабки сессию сдаёте?

– Не всегда, но... Какие по пятьдесят баксов, а какие и за сто. А что?

– Ничего. Жалко вас, вот что...

– А они вообще так у нас живут, как будто в Чапаева играют, – заметил Василич.

– Это как же?

– А так. Вот есть люди, которые так живут, как будто играют в шахматы. Комбинации просчитывают, размышляют. Что плохо, что хорошо. Как поступить в том или ином случае.

– Ну!

– Не нукай мне, сынок. Не запрягал. Так вот. Есть такие люди, что живут – как в шашки играют. То за «фук» пропадают, то в дамки рвутся. А есть и такие, что всю жизнь «в Чапаева» режутся. Бац! Куда попал, там и вылетел! Куда все летят, туда и я лечу! Думать некогда.

– Я в Чапаева последний раз в летнем лагере играл, в седьмом классе, – вспомнил Макс.

– А мне кажется, что ты никак не перестанешь играть в него, сынок. Ты бы хоть того... хоть бы в шашки... ходы выучил.

– Они теперь в компьютер играют, – сказал Дмитрий Ильич.

Строго говоря, сказал невпопад. Но он был неглупым человеком и тут же поправился:

– Хотя сути дела это не меняет.

– Да... Что-то не то происходит с нами, – задумчиво протянул Василич. – Что-то не то...

Все мужчины, кроме бомжа, сидели вокруг Василича. Только Сергей давно уже встал и ходил по проходу между лавками. Он не принимал участия в разговоре о студентах.

Его продолжала мучить другая проблема.

Наконец он остановился напротив старшего азербайджанца.

– Нет, ты мне скажи, – Сергей близко придвинулся, едва не схватил азербайджанца за грудки, – ты мне скажи, ты зачем сюда приехал? Тебе что, дома, в своём Азербайджане, не сиделось?

В голосе Сергея была злоба. Чистая, едва сдерживаемая злоба. И боль.

– Ты что? – отстранился азербайджанец.

– Это ты – что? Ты зачем приехал сюда, а?

– Все приехали, и я приехал. – Алик тоже поднялся. – Дёньги зарабатывать приехал. Я нэ виноват, что ты только кричать умеешь, а торговать нэ умеешь.

Они стояли друг против друга. Почти одного роста и почти одинаковые по сложению. Алик был чуть повыше, но похудее.

– Да я тебя...

– Тихо, тихо! Остановись, Серёга! Даже если ты набьёшь ему морду, ничего не изменится. В том, что произошло, не он виноват. Тут что-то глобальное происходит... Дьявольщина какая-то... Такое впечатление, что кто-то давно всё распланировал и действует. Причём действует умно и по всем фронтам. А мы, дураки, только сопли утираем. Пока опомнимся... А ведь и не опомнились ещё!

– Но умирать мне придётся... рядом с ним... сейчас, – глухо произнёс Серёга. – Не хочу! Мы по разные стороны фронта, понял? Понял или нет?

– Я тоже не хочу... с тобой рядом умирать... – тихо сказал Алик.

В это время младший его брат в очередной раз попытался позвонить по мобильному телефону. И во время небольшой паузы в тишине в очередной раз прозвучали слышные всем слова: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– Хочешь не хочешь... – сказал Николай Васильевич, как бы в ответ Алику. Или Серёге. Или в ответ телефону...

Василич тоже встал. Тяжело так встал, упираясь рукой в колено. Усадил Алика движением руки. Потом другой рукой обнял Серёгу:

– Да... последняя затяжка... такая вот вещь... неподкупная... Уймись вы... и вправду, может, вместе придётся... того... помирать... А вы... Нельзя в злобе помирать-то. Серёга, Серёга... остановись...

– Да я...

– Да что вы заладили: «умирать, умирать»! Ещё никто не умирает!

Дмитрий Ильич всё ещё сопротивлялся серьёзности положения. Голос его прозвучал бодро, но чуть-чуть неестественно.

– Нас спасут, вот увидите! И каждый пойдёт своей дорогой. И все проблемы можно будет решить через суд, поверьте мне! – воскликнул он.

– Умирать неохота... охота пожить... хоть немного пожить... на воле... а не получается ничего, – тихо ответил Саша. – А суд ваш... Тьфу! – И Саша мастерски сплюнул сквозь зубы.

– Да, умирать неохота, – согласился Павел. – А вот насчёт суда... Я тут пытался гражданство получить... По закону! Даже вспоминать не хочется.

– А я купил. И гражданство купил, и прописку купил. – Алик сказал эту фразу неожиданно для себя. Может, что-то такое... про последнюю затяжку... всколыхнуло в нём душу, давно уже забывшую о службе в Советской Армии... об учениях... о стрельбах... о самоволках... о дембельском альбоме... Вот и захотелось вдруг... сказать, поделиться... несмотря на претензии Серёги...

– Купил, да, – повторил он. – Деньги были – и купил.

– Ах ты! – Сергей рванулся было в сторону Алика.

– Чего ты дёргаешься? – остановил его Николай Василье-

вич. – Он хоть правду говорит. А ты подумай, кто у него деньги брал. Наши же чиновники и брали. Что ж ты не бегаешь по городу, чиновникам морды не бьёшь?

– Эх!

– Тем, кто так дорого за экзамены берёт, тоже можно было бы морды набить, – вставил Макс.

Кто о чём...

– И тем, кто им деньги даёт, а учиться не хочет, – добавил Павел. – Хотя я сам... в трёх институтах учился, да еле-еле последний закончил. Заочно.

На это Макс только хмыкнул.

– Мы просто живём так, как будто над нами смерти нет, – сказал доктор. – Так живём, как будто собираемся жить вечно. Или так, что после нас – хоть потоп. Потому мы и боимся думать о смерти, что совесть у нас не чиста. Как только подумаем, что есть Бог и что будет над нами суд, так сразу и кричим, что Бога нет. Бога нет, и суда над нами нет. Вот и получается так – что хотим, то и воротим.

– А кто сильнее да наглее, тот сильнее и воротит.

– Почему это суда нет? Суд есть и всегда был! – возразил Дмитрий Ильич.

– Да не этот суд! Не ваш, извините, продажный суд, а Божий суд. Помните, учили в детстве... – Доктор потёр лоб. – Сейчас...

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный судия: он ждёт;

Он не доступен звону злата, И мысли и дела он знает на-
перёд...

– Да вы поэт, доктор! – удивился Макс.

– При чём тут я? Это Лермонтов! Вы что, это в школе не учили?

– Я – нет. Не помню...

– Ну ты даёшь, студент! В школе что, тоже за бабки стихи сдавали? Лермонтов это. «Смерть поэта». В наше время эти стихи каждый знал.

– А теперь уже наше время, – парировал Макс.

– Вот тебе и смерть поэтов, – усмехнулся Павел. – И смерть прозаиков тоже. Кушайте, доктор.

– Что-то нет аппетита, – тихо произнёс доктор.

Больше никто и ничего не сказал.

– Поднимайте нас, мальчики! – позвала из тоннеля Света. Женщин подняли в вагон.

– Давайте еду делить! – не унимался Саша.

– Ладно, давайте. Я думаю, начать надо с того, что испортиться может. С моего обеда. Сколько нас человек-то?

Давай, Паша, посчитай.

Паша начал считать вслух, показывая на каждого пальцем.

– Раз, два, три... Шестнадцать. Шестнадцать нас человек, если без той женщины, что лежит, и без этого... которого ломает.

– Женщине бы надо оставить её долю, – предложила Наталья Сергеевна.

– Вот очнётся, тогда и будем оставлять! – отрезала Галя.

– Правильно, Галю, – поддержала дочку мать.

– Может, и так, – согласился Василич. – Вот очнётся, мы ей её долю выделим. Из другого чего-нибудь. И этот... как его...

– Антон.

– Антон... притих вроде. Может, заснул. Не будем его трогать. Так... Шестнадцать нас... А супа у меня две банки, по ноль-семь. Почти по сто грамм на брата и получается. Примерно, по две трети этой кружечки. И батон нарежем, по куску. Так, ну начнём. Сначала женщины. Мыть посуду нам

негде, да и нечем. Так что... по очереди.

Василич разливал суп аккуратно, стараясь ложечкой регулировать количество гущи, попадающей в каждую чашку.

Когда женщины закончили есть, Дмитрий Ильич попросил:

– А этому... однокласснику моему... давайте в последнюю очередь, а?

Никто не возражал. Бомж, бывший Юра Горшков, и сам не подошёл к раздаче. Он спал, наконец-то сладко спал, в темноте и в тепле.

Много ли человеку надо...

Его порцию отдали Гале. И против этого тоже никто не возражал: всё-таки у неё срок беременности был наибольшим. Не возразили мужчины и против того, чтобы женщины выпили, по глотку, маленькую бутылочку сока. Ту, что приготовила себе Наталья Сергеевна.

– Пейте, – сказал Николай Васильевич, – всё равно нам тара нужна, куда воду переливать.

– Какую воду?

– А ту, что там, в тоннеле, по стенке капает.

Сок выпили. Каждый, вероятно, подумал при этом об одном и том же: «А что мы будем делать, когда закончатся все имеющиеся у нас скудные запасы? А?»

– Позвони, что ли... – попросил Павел младшего азербайджанца. – Позвони ноль-два, или ноль-три.

И снова в наступившей тишине прозвучали всё те же сло-

ва: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– Осталось только молиться, – сказала Наталья Сергеевна.

– Кажется, Господь Бог нам уже ответил! «Аппарат абонента выключен» – и всё тут! – Макс со Светой продвигались на своё старое место, в слегка помятый угол вагона.

– Не волнуйся. У Бога никогда и ничего не отключается. Это у нас всё отключается. То сердце, то мозги, то совесть. Так отключается, что нам молитву воспроизвести – подвигу равносильно!

– Давайте отдохнём. Сэкономим освещение. Свет выключим да приляжем на лавки. У кого как получится. Подумаем, подремлем, – предложил Николай Васильевич.

– Может быть, кто-нибудь придумает... что-нибудь дельное, – поддержал его доктор. – Ладно, пойду я лягу напротив бомжа. У меня всё равно... что-то нос заложило.

– Ваша жертва, доктор, будет высоко оценена, – почти улыбнулся Павел.

– Разве что на небесах, – добавил Дмитрий Ильич. – Спокойной ночи, доктор.

– Спокойной ночи.

В вагоне стало совсем тихо. Тихо и темно. И, когда все затихли, нельзя было не заметить, что в вагоне очень душно. Значительно более душно, чем было раньше.

– Душно, – шепнула мужу Галя. Но все её слышали. – Душно, Серёга.

– Терпи, – отозвался муж.

– Что это – воздуха меньше становится?

– Терпи.

– Не надо, ребята, – попросила Наталья Сергеевна. – Не надо о воздухе, ладно?

– Боже мой... вообще как в могиле, – громко сказал Макс.

– Типун тебе на язык!

– Затихни, Макс! Дай подумать... может, в последний раз.

– Помолитесь, ребята, – посоветовала Наталья Сергеевна. – Кто как может, помолитесь.

– Вы за нас помолитесь, раз вы верующая, – неожиданно попросил Дмитрий Ильич.

– Да, точно, – поддержал адвоката Василич.

– Конечно, я помолюсь. Только, когда все, это лучше... Может, Бог над нами смилуется... А я сейчас «Отче наш» вслух прочту. Не возражаете?

Наталье Сергеевне никто не ответил. Голос её чуть-чуть дрожал:

– Отче наш, иже еси на небесех...

Наталья Сергеевна закончила читать молитву, и в вагоне воцарилась тревожная, густая, душная тишина.

Не совсем лирическое отступление № 6

А вдруг и правда всё? Всё?

Всё!

Но ведь есть ещё время! Есть ещё несколько часов... а может, несколько минут... Есть они, есть! Возможно, у тех, кто ехал в соседнем вагоне, не было и этих часов или этих минут.

А у вас – есть. То есть у нас – есть. Есть!

Может быть, это не случайно?

Может быть, сам Бог, по милости своей, даёт нам последний шанс? Шанс что-то понять и что-то изменить в своей жизни, так неожиданно подошедшей к концу.

Потому что конец – это всегда неожиданно для человека. Почти всегда. Человеку уже под восемьдесят, но смерть – она неожиданна и для него, поверьте. И уходить в восемьдесят так же больно, как и в восемнадцать. Почти всем. Поверьте...

Что же можно сделать за несколько часов или за несколько минут, если жизнь как таковая уже прожита?

Всё, что мы могли сделать, мы уже сделали. Посадили дерево, построили дом и вырастили сына. Или не посадили де-

рево, не построили дом и не вырастили сына.

Но что-то мы сделали за все эти годы? За все эти годы, пока мы жили! Что-то же мы сделали?

Чего мы добивались, к чему стремились?

Мы достигли определённого положения в обществе, или мы его не достигли? Кто мы? Бомжи или чиновники?

Но вот, по воле Божьей, мы подошли к той черте, где это становится неважным. Мы оставляем, навсегда оставляем своё положение в обществе, как бы мы ни цеплялись за него.

Мы меняли женщин как перчатки или всю жизнь прожили с одной, любящей и любимой женой? Или с одной, но нелюбящей и нелюбимой?

Мы оставляем женщину или многих женщин, одного или многих мужчин. Мы оставляем их навсегда, как бы мы ни цеплялись за них.

Мы оставляем и дом, и дерево, и сына, и дочь. Мы оставляем их навсегда, как бы мы ни цеплялись за них. Или они за нас.

Так что же остаётся у нас, Господи? Что же остаётся у нас, когда приходит наш черёд и мы предстаём перед лицом Вечности? То есть перед Твоим лицом, Господи?

Всё, что было в нас Твоего, Господи, и остаётся с нами, и позволяет нам предстать перед лицом Твоим.

А всё, что было в нас не Твоего – всё это отдаляет нас

от Тебя. И нам так страшно, Господи... Нам так страшно...
Ведь ещё немного, и мы не увидим Тебя... не увидим Тебя
совсем... Ни-ког-да...

Никогда... Тьма и духота, Господи... и скрежет зубов...
Как страшно, Господи! Как нам страшно!

Вот, оказывается, что было важно для нас, пока мы жили!
Вот что было важно, Господи, а мы и не знали... Или не хо-
тели знать. Не хотели слушать голоса Твоего, звучавшего в
наших сердцах... Не хотели слушать голоса своей совести,
Господи...

Прости нас... Пожалуйста, прости нас, грешных...
Пожалуйста...

«Ось и гарно, що не дойихала до Полтавы».

«Вот и хорошо, что не доехала до Полтавы! А если бы это всё с Галей случилось на обратном пути? Я бы все волосы вырвала у себя на голове! А так – вместе с ними и помру. Тяжко помирать, а всё ж вместе с дочкой да с зятем. И чего это я ругалась на него? Хороший мужик! На Галю и не надышится! А Галя беременная! Беременная, а матери за целую неделю так и не сказала! Эх, Галя, Галя!

Доченька моя!

А я, дура старая, сама не догадалась! Конечно, боится Галю. Первый мальчик умер сразу после рождения. Потом выкидыш. Потом – ещё раз!

Вот и молчала, не говорила даже мне. А сейчас? Вдруг снова выкидыш? Не дай Бог! Не дай Бог!

Как хорошо, что я не доехала до Полтавы! Хоть умру – а рядом с тобой, доченька... Сама себе не верю – ни хаты не жалко, ни того, что в хате. Только бы небо разок увидеть... небо голубое... Да можно и помереть. Жди, Микола, скоро придём мы к тебе все. И я, и дочь твоя, и зять. И внук, Микола, и внук твой. Вот и дожили мы до внука, Микола. Вот и дожили... Ох горе, горе...»

«Ох лышенько, лышенько...»

«Доченька моя! Доченька, милая моя! Прости, что не доехала до тебя! Прости меня! Одна только у меня надежда – что там, наверху, всё в порядке. И не атомная бомба там взорвалась, а просто это рядовая авария в метро. Может, нас ещё спасут. Надежда ещё есть. Но если нас не спасут... знай, милая, что я любила тебя – больше всех на свете. И я до сих пор верю, что ты восстановишься, восстановишься полностью...

Господи! Сохрани её, если ты забираешь меня к себе! Сохрани её, не дай ей остаться инвалидом, не дай ей сгинуть где-нибудь в детдоме! Пусть её сестра моя заберёт. Я хоть без мужа, а она – и без мужа, и без детей. Что-то в нас не так было, Господи. Две сестры – и никак семью не могли создать. Ни она, ни я. Так и была у нас она, доченька моя, одна на двоих. Видно, пора мне уступить место сестре.

Господи! Прости меня, что я возносила перед сестрой... ну что у меня дочь есть, а у неё и того нет...

Прости... Я знаю, знаю... в чём вознесёшься над другим, то и потеряешь. Прости меня, Господи, прости...

Доченька моя, доченька...»

«Вот так, вот и жизнь кончается... Конечно, лучше бы в бою. Может, лучше мне было там умереть, в Африке. Советником... Каким советником! Сколько там наших полегло, за неизвестно какой, но прогрессивный режим. Как были они дикарями, так и остались дикарями. Вот и весь режим. Про-

сти, Господи.

А может, и правда, что режим наш... что наш родной коммунистический строй был ошибкой? И то правда, что был он тоталитарным, что был он не божеским, как сейчас говорят? И вся наша идеология, и вся наша жизнь, на этой идеологии построенная, была ошибкой? Мягко говоря!

Вот, оказывается, как. Пришла пора помирать, а тут выясняется, что и верил ты не тому, и жил ты не так.

И присягал... Присягу давал – Отечеству служить. Не я устанавливал, какой будет строй в Отечестве!

А мог ли я в этом разобраться до того, как всё полетело к чёрту?

Мог, наверно. Все чувствовали, что что-то не так. «Голос Америки» ловили. Но я занят был! Как я пил! Как я квасил, чёрт возьми! Не до разбирательств в общественном строе мне было, потому что я пил. Пил – и материл этот строй! И на большее не был я способен тогда!

И все, кто жил рядом со мной, так же пили и так же материли жизнь, как и я.

Нет, это не оправдание, что все. Каждый отвечает за себя. Как это говорят... каждый умирает в одиночку. В одиночку!

Да... И что мне теперь, перед смертью, делать? Куда мне кричать, кого мне просить? Бога? А как же партбилет? Я ведь не выбросил его, не сжёг его, как некоторые. И никто не заставил бы меня изменить присяге.

И всё же... Господи! Вот я... Прости меня за то, чего я

мог бы не делать, а делал... И за то, что я делал, а мог бы не делать... Вот оно, сердце моё, пред тобой. Голое... Как голый в африканской пустыне, стою перед тобой...

Африка, трупы... пьянство смертное... вольняшки... враньё, по жизни враньё... подчинение сумасшедшим приказам... и подступающая старость, на должности сторожа.

Прости меня, Господи... Прости...»

«Ленка! Тебя, одну тебя я любил всю жизнь! И всю жизнь я боялся признаться себе в этом! Всю жизнь я трусил, Ленка, и всю жизнь делал как все, и врал как все, и продавался, и покупался как все.

И опять я завидую, Ленка! Тут, на самом краешке, когда смерть маячит впереди... Я опять завидую, Ленка, и опять ему, Юрке Горшкову!

Потому что я никогда бы не смог поступить так, как он. Я никогда бы не смог так – бросить всё ради любви. Я даже не мог признаться тебе, что всю жизнь любил тебя, и только тебя. Если бы не этот тоннель, я бы не признался в этом... даже себе.

Ленка! Леночка...

Всё, что было хорошего и чистого в моей жизни, это была ты, и только ты.

Прости, Ленка.

Прости, Господи, меня. Прости меня за мою жизнь, которая прошла без главного – без любви.

Вот говорят, что Бога надо любить. Как же я могу полюбить Бога, если я задавил в себе любовь к женщине... к той единственной, которую я по-настоящему любил... Я задавил в себе любовь, Господи... Ленка, я задавил в себе любовь...

Я люблю тебя, Ленка.

А-а-а...

Может, мне надо помочь Юрке? Хоть предложить ему, что ли. Первое время, пока осень да зима, мог бы он у меня на даче пожить. Только пусть вымоется... сначала.

А страшно... Страшно предлагать такое. Я бы раньше – никогда!

Так то раньше.

Нет! Ленка, ради тебя. Ради памяти о тебе, Ленка.

Я попробую. Помоги мне, Господи! Помоги мне... Ленка...»

«Он уже шевелится. Я слышу, как он начал шевелиться. Сегодня, после того, как всё это произошло. Там сын у меня, я знаю, что там сын. Сергей Сергеевич, вот кто там...

Господи! Спаси нас! Сына моего спаси, Господи! Нерождённого сына моего спаси... Ты уже троих мне не дал, Господи... Оставь этого! Оставь мне этого, Господи...

Не буду больше Серёгу пилить! Господи, не буду... Со всем я его запилила: то не так, это не так... Не буду больше, Господи! Всё так...

Мужик он, мужик настоящий... Люблю его. Неужели же

у нас детей не будет? А, Господи?

Неужели это из-за того, что он воевал? Убивал. Нет?

Нет!

Спаси нас, Господи! Спаси Серёгу, и меня... и мать... И всех...»

Не совсем лирическое отступление № 7

В тишине слышались странные и страшноватые шорохи. Казалось, глыбы земли, нависшие над ними, балансировали на волоске.

Будто бы там, в небесах, принималось какое-то важное решение. Будто что-то лежало на весах и весы эти колебались, склоняясь то в одну, то в другую сторону.

И от этих колебаний и происходили шорохи и стоны земли. Словно земля сама спрашивала у Бога:

«Что мне делать с этими, которые зажаты тут, во мне? Что мне делать с ними, Бог мой и Господин мой? Что мне с ними делать, Творец мой? Я могу раздавить их одним движением моим! Одним вздохом моим я могу забрать их плоть и смешать с собой. Я превращу их плоть в воду, и в глину, и в камень. Что, Господин мой, повелишь мне сделать с ними? Забираешь ли Ты их души или нет?»

Ответ Бога не был слышен и не звучал как человеческие слова. Как мягкое дуновение ветерка, Нечто коснувшееся земли сдерживало её и возвещало: «Погоди, погоди... Не торопись... Ведь не погубить их души Я хочу, а помиловать... Помиловать... Погоди, земля...»

«Простить им долги! Как же им можно простить Чечню? Как можно простить наших ребят, жизни загубленные?

Нет, тут что-то не так! Не так!

Или так?

И я должен простить? Кто бы мне растолковал всё это!

Теперь уже никто не растолкует.

Галку жаль, как Галку жаль! И сына жаль... того, которому родиться не суждено. Вот оно как получается... И не с кем воевать, а приходится гибнуть.

Не с кем? Как это не с кем?

Есть с кем! С самим собой. Этот противник всегда рядом. Ни на секунду не покидает тебя, даже здесь, под землёй. Уже одна нога в могиле, а он тут как тут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.